

Bo $\frac{5}{123}$

76 5

123

ОТНОШЕНІЯ
МЕЖДУ
ЗАПОРОЖЬЕМЪ
И
КРЫМОМЪ.

Л. Львовъ.

Львовъ, Л. Отношенія между Запорожьемъ и
Крымомъ. Одесса. 1895. Тип. штаба округа.
8 д., 60 стр., 25 экз

ОДЕССА.
Типографія Штаба Округа. Тираспольская, № 14.
1895.

ОТНОШЕНІЯ
МЕЖДУ
ЗАПОРОЖЬЕМЪ
И
КРЫМОМЪ.

Л. Львовъ.

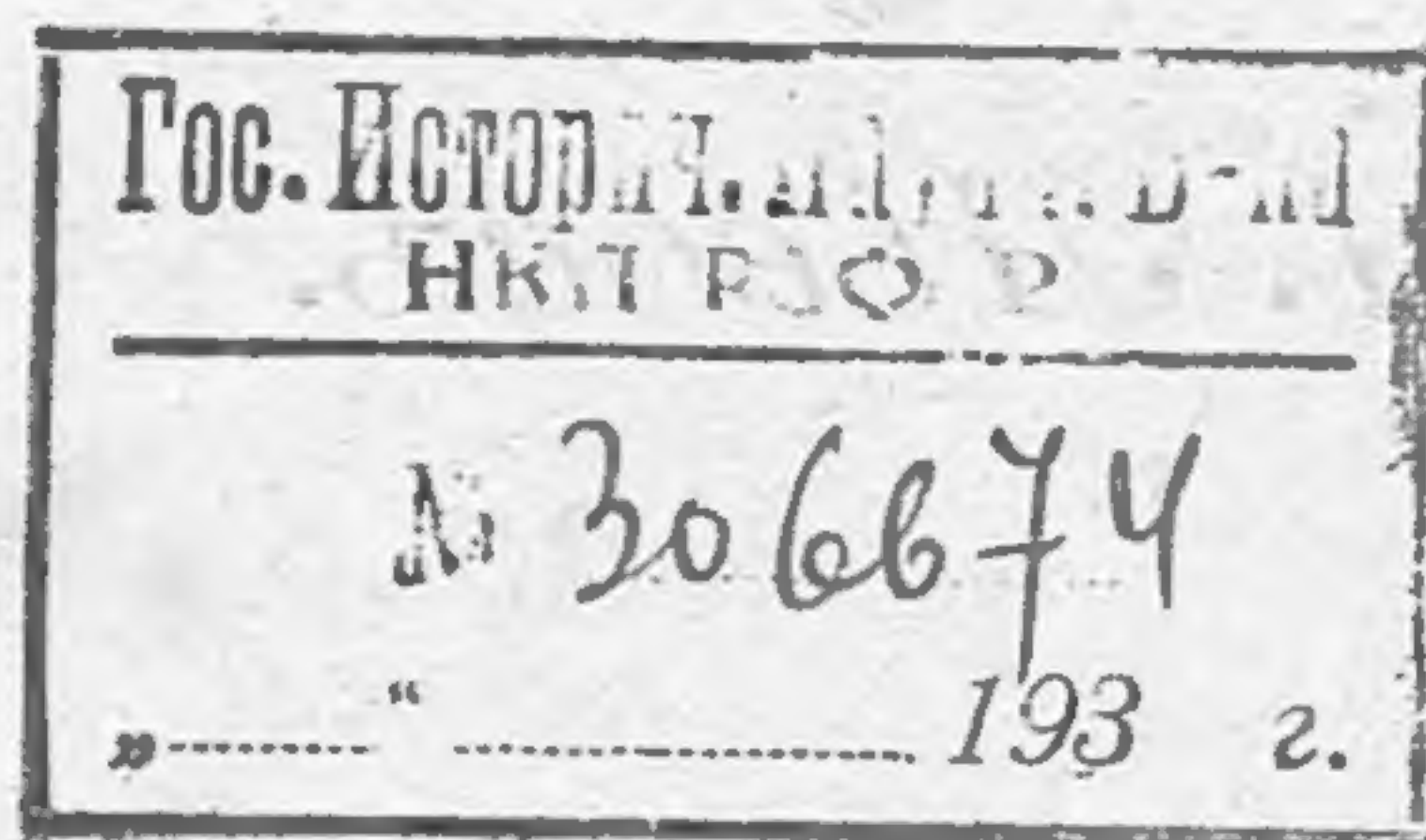

ОДЕССА.

Типографія Штаба Округа. Тираспольская, № 14.

1895.

Дозволено цензурою. — Одесса, 10 Апрѣля 1895 года.

Отношенія между Запорожьемъ и Крымомъ.

Послѣ татарскаго нашествія всѣ основы жизни юга Россіи радикально измѣняются: удѣльно-вѣчевая культура гибнетъ; высшіе классы бѣгутъ на сѣверъ, гдѣ остались разгромленные, но не уничтоженные въ конецъ русскія княжества, куда рѣже заглядывали татары, или на западъ. Попытка кн. Данила Галицкаго создать крупное и независимое политическое тѣло на югѣ Россіи была пресѣчена однимъ появленіемъ баскака Бурундая, и самое существованіе Малороссійскаго королевства продолжалось недолго послѣ смерти его талантливаго основателя. Но область Днѣпра, и даже южнаго его теченія не опустѣла. Ушло все то, что не могло существовать внѣ государства; ушли князья, бояре съ дружинами и богатствами, сохранить которыхъ они могли только на сѣверѣ, гдѣ охотно принимали бояръ на службу, такъ какъ это поднимало значеніе сѣверныхъ княжествъ. Такъ бояринъ Родіонъ Несторовичъ, перешедшій въ Москву изъ Кіева, по преданію привелъ съ собою 1700 человекъ дружины. Кромѣ знатнаго, вѣчнаго люда бѣжали на сѣверъ и люди простые, но зажиточные. Богатство Москвы возросло въ скоромъ времени до того, что въ началѣ XIV в. Иванъ Калита могъ прикупать цѣлыя княжества, какъ-то: Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ.

Но народъ, или по крайней мѣрѣ, значительная часть его, остался на югѣ Россіи. На сѣверѣ его ожидало положеніе населенія новыхъ княжихъ городовъ, поддерживаемыхъ князьями и вполнѣ отъ нихъ зависящихъ, на западѣ — необычный шляхетскій строй. И то и другое, въ сравненіи съ богатствами края, который пришлось бы покинуть, заставляло если не все населеніе, то часть его оставаться въ богатомъ Приднѣпровьи, примиряясь съ ежедневной опасностью и пользуясь неограниченною свободой.

Край фактически былъ ничей. Послѣ разгрома княжествъ даже татары не старались сохранить за собой его террито-
рію, и номинальное господство надъ нимъ вскорѣ перешло къ Литвѣ. Изъ Крыма и юго восточныхъ степей татары только проходили черезъ Приднѣпровье, направляясь къ границамъ Литвы, Польши или Москвы, гдѣ была добыча — города, замки, села и пр. Въ Приднѣпровьи тоже было населеніе, но оно ютилось въ лѣсахъ, глубокихъ степныхъ оврагахъ и прирѣчныхъ камышахъ, складываясь въ тѣ общественныя формы, въ какія всегда складывалось славянское племя, какъ только случай представлялъ возможность самоуправленія, — въ формы вѣча, круга, артели. Усиленные военныя пред-
пріятія для истребленія или покоренія этихъ одичалыхъ звѣ-
ролововъ, пастуховъ и рыбаковъ доставили бы татарамъ болѣе опасности, чѣмъ добычи; съ своей стороны населеніе Приднѣпровья, приученное къ войнѣ, находило болѣе всего выгодъ въ морскихъ набѣгахъ на богатые побережья Чер-
наго моря, и туда главнымъ образомъ направлялась вся энергія начинавшаго на югѣ казачества.

Забота о защитѣ южныхъ границъ Литвы и Польши отъ степныхъ кочевниковъ заставила обратить особое вни-
маніе на пограничное населеніе, дать ему военное устрой-
ство, вѣрнѣе — лишь санкціонировать его; козачество усили-
вается и въ XVI вѣкѣ служитъ уже оплотомъ культурныхъ земель Польши противъ татаръ, въ какой роли оно всегда поощрялось правительствомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неисчер-
паемымъ источникомъ неудовольствій между Польшей и Тур-
ціей, благодаря своимъ морскимъ разбоямъ.

Въ XVI вѣкѣ козачество Приднѣпровское образуетъ двѣ политическія единицы: земледѣльческую, болѣе культур-
ную и богатую, но болѣе угнетенную поляками и раздѣлен-
ную на партіи — позднѣйшую Гетманщину и Запорожье.

Запорожье было крайнимъ проявленіемъ козачества, самымъ яркимъ выразителемъ его духа. Оно занимало край
наиболѣе богатый, наиболѣе удаленный отъ польскаго гнета, но самый близкій къ татарамъ. Здѣсь, въ сравнительно лег-
комъ, но безпокойномъ и опасномъ существованіи, разрабо-
тался типъ запорожца, какъ храбраго, хищнаго, свободолю-
биваго, безсемеянаго воина. Запорожье само собою приняло
видъ военнаго ордена. При постоянной опасности и необходи-
мости круговой поддержки самая жизнь заставляла коза-

ковъ держаться ватагами, куренями, имѣть общій домъ, столъ, имущество. И до самыхъ послѣднихъ временъ Запорожья мы видимъ, можетъ быть, благодаря именно этимъ же условіямъ, мало признаковъ того разложенія и внутренней розни, какая наблюдалась въ Гетманщинѣ. Запорожцу, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не имѣвшему ни наслѣдниковъ, ни какого-либо имущества, кромѣ коня и оружія, не было основанія пренебрегать общими интересами ради личныхъ выгодъ.

Запорожское войско, по рассказамъ польскихъ лѣтописцевъ заведенное правительствомъ, а на самомъ дѣлѣ только получившее отъ него санкцію, сдѣлалось оплотомъ Польши противъ Крыма; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ народное войско, пополнявшееся главнымъ образомъ выходцами изъ Малороссіи, стало главной опорой и народа въ его движеніяхъ. Въ этой двойной роли и выступаетъ оно въ большинствѣ извѣстій, сохранившихся о немъ у лѣтописцевъ и мемуаристовъ польскихъ, козацкихъ и иныхъ. Но, будучи защитой сѣверныхъ государствъ и убѣжищемъ для бѣглецовъ польскихъ, московскихъ, малороссійскихъ и даже татарскихъ, Запорожье имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ свою особую жизнь и интересы. Благодаря имъ, оно не могло обходиться безъ постоянныхъ мирныхъ сношеній съ окружающими странами и въ его исторіи мы видимъ, что непосредственное сосѣдство съ Крымомъ очень рано повело къ сношеніямъ всякаго рода между этими двумя странами.

Причины невозможности для Запорожья обходиться безъ постоянныхъ сношеній съ Крымомъ были какъ экономическаго, такъ и политическаго характера.

Постоянная готовность Запорожья поддерживать всѣ народныя движенія Малороссіи противъ вводимой поляками шляхетской культуры и католицизма вызывала систематическія преслѣдованія его со стороны Польши. Козачество малороссійское и запорожское искало въ такихъ случаяхъ помощи у своихъ сѣверо-восточныхъ и южныхъ сосѣдей. Вся политика козачества, находившагося подъ вліяніемъ сильныхъ сосѣдей: Польши, Москвы, Крыма и отчасти Турціи, состояла въ сущности въ стараніи уравновѣсить насколько возможно силы этихъ сосѣдей. Въ особенности по отношенію

къ Крыму козачество, по крайней мѣрѣ наиболѣе дальновидные вожди его старались быть послѣдовательными въ этомъ отношеніи. Изучая исторію смутъ второй половины XVII в., мы часто видимъ боязнъ козаковъ малороссійскихъ дать сильный перевѣсъ тому государству, подъ властью котораго они находились, будь то Москва или Польша. Исторія войнъ этого времени наполнена измѣнами, нарушеніями договоровъ и т. п. Козаки какъ будто боятся ухудшенія своего положенія по произволу побѣдителя и стараются, чтобы никто таковымъ не оказался. Что же касается до Крыма, то въ поступкахъ и словахъ козаковъ, въ особенности запорожцевъ, видно совершенно ясное сознаніе того, что самое существованіе козачества обусловлено только существованіемъ крымскаго ханства, и въ продолженіе своей исторіи Запорожье становится къ Крыму попеременно въ положеніе врага, союзника и подданнаго.

Кромѣ причинъ политическаго характера, важнымъ факторомъ для сближенія Запорожья съ Крымомъ были и экономическія.

Находясь въ краѣ, открытомъ наѣздамъ, запорожцы не могли имѣть значительнаго земледѣлія. Распахивались небольшіе участки въ глубокихъ оврагахъ, снятый хлѣбъ надо было прятать въ ямы, пзвѣстныя и замѣтныя только для хозяина; все это не могло не задерживать земледѣлія. Даже въ 1755 г., въ сравнительно спокойное время, запорожцы обращаются за хлѣбомъ къ Русскому правительству. „Войско запорожское“, говоритъ кошевой Лантухъ въ своей челобитной, „изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ“. Это обстоятельство рано должно было повести къ торговлѣ сѣвернымъ хлѣбомъ, въ которомъ наравнѣ съ Запорожьемъ нуждались и Крымъ и Константинополь. Въ XVIII вѣкѣ въ письмахъ Коша къ депутатамъ въ Петербургъ регулярно сообщаются пзвѣстія о ходѣ каравановъ въ Крымъ съ хлѣбомъ и водкой, какъ объ одной изъ важныхъ отраслей экономической жизни Запорожья „Уже повемногу идуть и везуть хлѣбъ и водку“. Последнюю, по Боплану, татары употребляли и въ XVII вѣкѣ.

Другимъ важнымъ предметомъ торговли, настолько важнымъ, что изъ-за него одного могли возникнуть оживленныя сношенія, была соль. Запорожцы пастухи, ещѣ болѣе запо-

рожцы-рыболовы не могли обходиться безъ этого продукта. „Главный недостатокъ Украйны въ соли“, говоритъ Бопланъ; упоминая при этомъ о стараніяхъ пополнить этотъ недостатокъ, какъ-то: о вывариваніи соли на Покутьи въ Трансильваніи, о ломкѣ ея въ копахъ Велички и о добываніи ея изъ ольховой и дубовой золы (въ сущности — поташъ, плохой суррогатъ соли); Бопланъ почему-то не говоритъ ничего о торговлѣ Крымскою солью. Но относительно этой торговли мы имѣемъ у другихъ писателей достаточно извѣстій, восходящихъ къ половинѣ XVI в. Михалонъ Литвинъ въ числѣ товаровъ, доставляемыхъ въ Кіевъ, упоминаетъ „соль изъ таврическихъ лимановъ, называемыхъ Качибеевыми, гдѣ пагрузка цѣлаго корабля стоитъ 10 стрѣлъ“.

Обмѣнъ этихъ продуктовъ и далъ начало торговлѣ Запорожья и транзитной черезъ него торговлѣ всего сѣвера съ Крымомъ; въ этой послѣдней Запорожье, какъ владѣлецъ единственной болѣе или менѣе безопасной дороги въ Крымъ и наслѣдникъ древняго пути „изъ Варягъ въ Греки“, является неизбѣжнымъ посредникомъ.

Но непосредственное сосѣдство съ Крымомъ, рядомъ съ торговыми и дипломатическими сношеніями, можетъ быть даже раньше ихъ, вызвало еще другія сношенія.

Охота и рыбная ловля, составлявшая, въ особенности послѣдняя, по словамъ Боплана и др., главное занятіе козаковъ въ мирное время, производилась ими, по его же словамъ въ лиманахъ Тилигула, Куяльника; также въ Днѣпровскомъ, Днѣстровскомъ лиманахъ и даже на берегахъ Азовскаго моря, о чемъ мы имѣемъ извѣстіе отъ 1625 года. Всѣ эти мѣста, равно какъ и мелкія степныя рѣчки: Берда, Калміусъ и друг., находились, если не въ границахъ крымскаго ханства, такъ какъ вопросъ о его границахъ былъ рѣшенъ, и то въ принципѣ, только во второй половинѣ XVIII вѣка, то во всякомъ случаѣ на территоріи занятой татарскими кочевьями. Указанія документовъ, восходящихъ къ XVI вѣку, представляютъ намъ свидѣтельства о невозбранномъ хожденіи козаковъ къ этимъ лиманамъ. Объ этомъ же говорятъ и многіе акты и договоры гетмановъ XVII в. Такъ, королевская грамота 1541 г. „о воспрещеніи козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы подъ видомъ промыслов“, приводитъ требованіе „царя Перекопскаго“, чтобы козаки, „кгда съ дозволенемъ вашимъ на рыбы и бобры въ добытки идутъ, тогда

мѣли-бъ есте на то бачить, хто, альбо колько ихъ съ дозво-
 лениемъ вашимъ на тые добытки пойдуть..“; грамота писана
 по жалобѣ хана на разбои; право же козаковъ на самые
 промыслы въ степяхъ, занятыхъ татарскими кочевьями, остав-
 лялось внѣ всякаго сомнѣнія. Обратно, татары, по нежеланію
 или по невозможности строго соблюдать границы, часто по-
 являются мирными кочевьями на запорожскихъ степяхъ. Въ
 1628 г. „зъ Шпакгиреемъ, царемъ татарскимъ, козакъ при-
 мирили и на Запорожю кочевалъ Шпакгирей изъ татары
 своимъ“. Нѣсколько указаній такого рода мы имѣемъ въ пе-
 репискѣ малороссійскихъ гетмановъ съ запорожскими коше-
 выми. Такъ на упрекъ гетмана Самойловича, почему тата-
 рамъ дозволяется кочевать на запорожскихъ земляхъ, коше-
 вой Сирко пронически объясняетъ, что „у нихъ теперь не-
 дородъ на траву... а когда мы, живя съ татарами по-сосѣд-
 ски, помогаемъ другъ другу, то сіе умному ни мало не уди-
 вительно“. Вѣроятно, нашлось бы немало извѣстій въ этомъ
 родѣ, еслибы Запорожье имѣло своихъ лѣтописцевъ или ка-
 кіе нибудь документы въ ранній періодъ своего существова-
 нія. А для лѣтописцевъ польскихъ или даже малороссійскихъ
 такіе факты, какъ извѣстіе Межигорской лѣтописи о Шпа-
 кгирей (см. выше), не имѣли большого интереса.

2. Трудно, конечно, рѣшить, въ какой степени были на-
 дежны такія временныя перемирія и насколько безопасны
 были рыболовныя экспедиціи запорожцевъ и кочевка татаръ.
 Но для вѣрной оцѣнки этихъ отношеній необходимо помнить
 общую степень безопасности личности на югѣ Россіи въ
 XVI, XVII и даже XVIII вв. Въ 1594 г. иностранный по-
 соль Лассота пишетъ о крестьянахъ въ окрестностяхъ При-
 лукъ: „каждый крестьянинъ, выходя на полевые работы,
 всегда имѣетъ ружье на плечѣ и саблю или тесакъ у пояса,
 ибо они весьма часто подвергаются нападеніямъ татаръ и
 почти никогда не бываютъ безопасны отъ нихъ“.

Сдѣлавъ обзоръ важнѣйшихъ видовъ сношеній Запорожья съ его южными сосѣдами, мы можемъ перейти къ детальному изложенію извѣстій, сохранившихся объ этихъ сношеніяхъ у сѣверныхъ лѣтописцевъ, начиная съ извѣстій о сношеніяхъ политическаго характера, такъ какъ результаты этихъ сношеній всего болѣе были важны, если не для Запорожья, то для его сѣверныхъ сосѣдей, почему извѣстія о нихъ гораздо многочисленнѣе и восходятъ къ болѣе раннему времени.

Политическіе интересы Запорожья и Крымскаго ханства были связаны настолько тѣсно, что въ теченіи своей исторіи Запорожье становилось къ Крыму попеременно въ положеніе врага, союзника и подданнаго. Въ этомъ отношеніи оно только продолжало политику населенія южныхъ русскихъ княжествъ, всегда склонныхъ пользоваться силами степныхъ кочевниковъ противъ поляковъ. Такъ, мы читаемъ у Анонима Гнѣзненскаго подъ 1340 г. „*Quamvis autem nonnulli ex Russiae nobilibus, principatum Casimiri Regis Poloniae aspernantibus, Tartarorum suffragiis freti... resistantiam facere tentassent*“...**) и подъ 1344 г. „*Secretis itaque nuntiis ad Tartarorum imperatorem missis, declarant... Casimirum... terras Russiae occupasse... Hac legatione Tartarorum Caesar., validum exercitum... terras Russia suo imperio restitutum... transmittit*“ ***)

Подобныя причины часто заставляли и Запорожье, иногда вмѣстѣ съ гетманами Малороссіи, заключать союзы съ Крымомъ. Время отъ отпаденія Крымскаго юрта отъ Золотой орды въ 1427 г. до завоеванія его Турками въ 1478 г. было очень благопріятно для мирныхъ сношеній. Неоконченные счеты между ордами заставляли крымцевъ ладить съ другими сосѣдами ****), но завоеваніе Крыма Турками перемѣнило направление Крымской политики и усилило фанатизмъ татаръ. Кромѣ этого власть хана, никогда не бывшая неограничен

*) См. «Записки» № 3.

**) Анонимъ Гнѣзн. и Іоаннъ Длугошъ. Изслѣдов. Д. Зубрицкаго. Львовъ 1855 г., стр. 35.

***) Ibid. стр. 41.

****) Хаджи Девлетъ Герай († 1466 г.) покровительствовалъ христіанскимъ монастырямъ и торговлѣ. См. Эварницкій. Ист. запор. казаковъ, т. I, стр. 392. О побѣдахъ его надъ Золотой Ордой и сношеніяхъ съ Польшей см. Смирновъ. Крымское ханство, т. I, стр. 250.

ной, была усилена вліяніємъ изъ Константинополя и поставка невольниковъ на восточные рынки сдѣлалась единственнымъ источникомъ уплаты податей, наложенныхъ на крымскія и нагайскія орды. Михаловъ Литвинъ (ок. 1550 г.) описываетъ громадныя размѣры, которые приняла въ его время торговля русскими невольниками. Онъ приводитъ слова еврея, сказаннаго будто-бы ему у Перекопскихъ воротъ: „осталось ли еще сколько-нибудь людей въ вашей странѣ, или ихъ уже совсѣмъ нѣтъ?“. Принимая даже во вниманіе возможное преувеличеніе показаній какъ М. Литвина, такъ и Боплана, который говоритъ, что въ двухъ-недѣльный набѣгъ татары захватывали до 50,000 человѣкъ, мы должны замѣтить, что смыслъ ихъ подтверждается и лѣтописями.

Этотъ періодъ—XVI и начало XVII в. — былъ временемъ наибольшаго покровительства, оказываемаго козачеству польскимъ королевствомъ, чтобы не допускать татаръ до своихъ предѣловъ, оно константирировало силы козаковъ. Во главѣ послѣднихъ появлялись тогда почти легендарныя личности первыхъ гетмановъ - борцовъ съ мусульманскимъ міромъ: Ланцкоронскаго, Ружинскаго, Дашковича, Вишневецкаго и, наконецъ, Сагайдачнаго. Казаки запорожскіе получаютъ тогда первую грамоту на свои „всѣлости“, городъ Трехтемировъ и земли по обѣимъ берегамъ Днѣпра „въ низъ до самыхъ степовъ Нагайскихъ и Крымскихъ“. Эта грамота Баторія 1576 г., упоминаемая въ универсалѣ Богдана Хмѣльницкаго 1655 г. и засвидѣтельствованная послѣднимъ запорожскимъ войсковымъ писаремъ Глобою въ 1773 г. *), была однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ для Запорожья. вмѣстѣ съ тѣмъ она свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ Войска къ королевству, такъ измѣнившихся во время религіозно-соціальныхъ войнъ XVII вѣка.

Однако и въ XVI вѣкѣ, въ апогеѣ борьбы съ мусульманами, казаки производятъ набѣги на Москву вмѣстѣ съ крымцами **). Въ 1521 г. ханъ Мехмедъ-Гирей и гетманъ Еустафій Дашковичъ опустошаютъ окрестности Москвы и Рязани. Правда, при возвращеніи изъ этого похода Дашковичъ былъ взятъ въ плѣнъ ханомъ, а освободившись принялъ

*) Скальковскій. Ист. Н. Сѣчн 1886. Од. III, 275.

**) Соловьевъ, т. V, стр. 379.

участіе въ татарскихъ междоусобіяхъ и разграбилъ Крымъ *); но для характеристики отношеній казачества къ татарамъ важны не послѣдствія похода, даже не самая справедливость лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ, а фактъ существованія у современниковъ убѣжденія въ возможности союза татаръ съ ихъ всегдашними врагами, убѣжденія, что и въ это время какія-нибудь долѣе сильныя побужденія, напримѣръ надежда на обильную добычу, могли заглушать національную вражду.

Неменѣе важное извѣстіе такого-же рода встрѣчаемъ мы у львовскаго каноника Яна Юзефовича подъ 1625 года; оно показываетъ, что и во внутреннихъ усобицахъ своихъ крымцы не прочь были употреблять силы своихъ сѣверныхъ сосѣдей: „Interim Cosaci pro restituendo fratre ad principatum, quem Turcarum imperator exauthoraverat, a Mechmet Gereio vocati, totam Tauricam, usque ad Capham peragrarunt, Tartaros partis adversæ multoties fuderunt et domum cum gloria et victoria redierunt, quod et iterum prospere fecerunt, at Mechmet Geraium ipsum [quod unam eorum phalangem dolo excindi fecerat) trucidarunt“ **).

Уже въ это время, въ первой половинѣ XVII в., лучшіе люди Польши признавали, что притѣсненія Малороссіи и казаковъ заставляли этихъ пограничниковъ христіанства братья съ крымцами. Юзефовичъ, описавъ пораженіе казаковъ при Куруковомъ озерѣ въ 1625 г. и усмиреніе бунта Павлюка въ 1638 г., переходитъ къ разсказу о набѣгахъ татаръ, справедливо приписывая ихъ успѣхъ мѣрамъ, принятымъ противъ казаковъ. Въ 1640 г. татары „nemine resistente .. omne territorium Peræaslaviæ, Korsuni acditiones Visniovecii .. miserabiliter derastarunt... Koniecpolius... veloces Tartaros, 30,000 captivorum ac prædam ingentem trahentes, assequi non potuit“ ***). „Изъ послѣдующаго выяснилось“, говоритъ онъ, „какъ губельны были для отечества совѣты тѣхъ, которые хотѣли силою уничтожить свободу казацкаго войска...“ maxime ex eo, quod præcipuum robur cosacorum magno præsidio regni, tunc jam detrimento futurum, partim ad Moschos, par-

*) Ibid. с. 382 и Маркевичъ, Исторія Малороссіи т. I, 34.

**) Лѣт. Яна Юзефовича, стр. 113, въ Сборн. Лѣтоп. относящ. къ ист. южн. и зап. Руси изд. Ком. для разбора древн. актовъ. Кіевъ. 1888 г.

***) Ibid. стр. 120.

tim ad ipsos Tartaros sponte dilabebatur in exitium dominorum suorum nominisque Poloni.

Въ обвинительныхъ пунктахъ Комиссiи, бывшей въ 1625 г. на Медвѣжьихъ лозахъ *), говорилось: „Войско Запорожское ссылается съ Шагинъ-Гиреемъ крымскимъ безъ вѣдома Республики; заключило союзъ съ нимъ и людей ему на помощь посылало“. Казаки оправдывались: „что-же касается до сношеній съ Шагинъ-Гиреемъ, то волна прибила къ крымскому берегу товарищей ихъ, шедшихъ съ Дону для добычи; этихъ голодныхъ людей Шагинъ-Гирей взялъ къ себѣ на службу и потомъ прислалъ къ намъ“. Въ 1626 году гетманъ Дорошенко отказываетъ полякамъ въ помощи противъ татаръ, а Запорожцы пристають къ хану **). Въ слѣдующемъ году Дорошенко погнѣбаетъ въ Крыму, принявъ участіе въ тамошнихъ усобицахъ.

Богданъ Хмѣльницкій больше всѣхъ своихъ предшественниковъ пользовался помощью татаръ. При немъ сношенія съ ханомъ идутъ уже отъ имени самого гетмана и Запорожье нетакъ самостоятельно въ политикѣ, какъ до и послѣ него. Запорожье сыграло свою роль только при началѣ его дѣятельности, въ 1648 году, когда Хмѣльницкій отправился въ Крымъ изъ Сѣчи, послѣ совѣщанія съ кошевымъ и куренными, и выступилъ въ походъ на Малороссію, только что провозглашенный гетманомъ на Запорожской радѣ въ апрѣлѣ 1648 г., куда онъ явился съ Тугай-Беемъ и татарами. Союзъ его съ ханомъ тяжело отозвался на Малороссiи, черезъ которую проходили орды его союзниковъ. Но Запорожье, главный посредникъ торговыхъ и другихъ сношеній Крыма съ Сѣверомъ, могло только выиграть отъ этого союза. Договоръ Хмѣльницкаго съ султаномъ 1650 г. давалъ казакамъ такую свободу плаванія и торговли на Черномъ морѣ, какой Россія добилась только въ 1774 году по Кучукъ-Кайнаржійскому трактату.

По торговому договору Хмѣльницкаго: ***) 1) султанъ позволяетъ казакамъ и народу Малороссійскому свободное плаваніе по всѣмъ морямъ своимъ и рѣкамъ для торговъ и мѣнъ.

*) Соловьевъ, X, 97.

**) Соловьевъ, X, 104, 105.

***) Маркевичъ, III, 51.

4) Резидентъ Малороссійскій будетъ имѣть пребываніе въ Константинополѣ.

7) Если-бы кто изъ Донскихъ казаковъ началъ своевольствовать на морѣ, то Запорожью и Крыму взаимно помогать другъ другу, чтобы очистить море.

11) Галеръ казацкихъ употреблять ни на какую службу султанъ не имѣетъ права.

Если даже договоръ этотъ никогда не приводился въ исполненіе во всѣхъ своихъ пунктахъ, онъ все таки свидѣтельствуется о желаніи казаковъ, главнымъ образомъ несомнѣнно запорожцевъ, завести на Черномъ морѣ другой флотъ, крѣмѣ чаекъ, и другое мореходство, крѣмѣ разбойническаго.

Въ исторіи Малороссіи и Запорожья XVII вѣкъ—время наиболѣе разнообразныхъ политическихъ комбинацій. Начиная съ Хмѣльницкаго, почти всѣ гетманы старались искать спасенія въ подданствѣ Москвѣ, Турціи, или въ союзѣ съ вассалами послѣдней. Въ 1649 г. Хмѣльницкій въ переговорахъ съ московскимъ посломъ Нерововымъ *), недовольный осторожной политикой Москвы, то грозитъ нападеніемъ на ея предѣлы съ татарами, такъ какъ разбой Донцовъ въ Крымскихъ улусахъ портятъ его отношенія съ ханомъ, то проситъ царя принять его въ подданство вмѣстѣ съ его союзникомъ (Крымомъ), то говоритъ, что „теперь самъ Турскій царь боится Крымскаго царя и великаго Войска Запорожскаго“; что онъ Хмѣльницкій, „сложася съ Крымскимъ царемъ, съ Волохами, Сербамъ, Молдованами и Бѣлогородскими князьями, хочетъ промышлять надъ Турскимъ царемъ.“

Послѣдующіе гетманы проводили въ исполненіе почти всѣ эти планы и наполнили Украину смутами второй половины XVII в. Запорожье, фактически ставшее независимымъ при слабости гетмановъ этого періода, въ началѣ XVIII в. должно было стать подъ покровительство Крыма.

Вообще, не смотря на безпрестанное пребываніе хищныхъ союзниковъ въ предѣлахъ Малороссіи и неизбѣжное при этомъ разореніе ея, мысль о нѣкоторой общности интересовъ Запорожья и вообще казацкаго сословія съ Крымомъ все болѣе и болѣе выясняется къ концу XVII в. въ умахъ вождей козачества, стремившагося уже стать замкнутымъ

*) Соловьевъ, X, 259—261.

сословіємъ, по крайней мѣрѣ въ Малороссіи. Въ статьяхъ Богдана Хмѣльницкаго и въ Жердевскихъ статьяхъ Юрія Хмѣльницкаго мы находимъ крайнюю заботливость о поддержаніи хорошихъ отношеній съ Ордой, не смотря на принятіе Малороссіей Московскаго подданства. „Орда если-бы имѣла кннуться, то . . . также и Донскимъ казакамъ готовыми быть, а нынѣ еще въ братствѣ дати сроку и ихъ не задирати. Сказать: на Донѣ Государево повелѣніе будетъ, крымскіе люди задору не учинятъ, на нихъ не ходить“. *).

Однимъ изъ важныхъ явленій въ исторіи Крыма было непрерывное ослабленіе воинственной эпергіи татаръ, въ особенности жителей самого полуострова. Какъ богатства, доставляемыя имъ природой, торговлей, военной добычей и подарками сѣверныхъ государствъ, такъ и все увеличивавшаяся невозможность противостоятъ тактикѣ и оружію культурныхъ народовъ все болѣе и болѣе отучали татаръ отъ крупныхъ военныхъ предпріятій. Въ XVI в. Крымскій ханъ еще грозенъ для сосѣдей, хотя такіе походы, какъ нападеніе на Москву и сожженіе ея въ 1571 г., удаются только благодаря неожиданности. Въ половинѣ XVII в. крупные набѣги татаръ на Малороссію производятся, какъ мы видѣли, только послѣ репрессалій польскаго правительства, истреблявшаго и обезоружившаго казаковъ. Къ концу XVII в. татары не рискуютъ уже показываться большими ордами въ Малороссіи, не заручившись союзомъ съ какой-либо воюющей стороной. Только небольшія шайки ногайцевъ продолжаютъ вести безпрестанную пограничную войну, лучше сказать, грабятъ на границахъ Малороссіи и Запорожья.

Съ другой стороны Запорожье, единственное въ то время мѣсто на Украинѣ, гдѣ можно было пользоваться свободой и не зависѣть отъ безпрестанныхъ смутъ и переворотовъ, находилось въ апогеѣ силы и независимости. Оно безпрестанно и, главное, безнаказанно мѣняетъ политику, заключаетъ и разрываетъ союзы, воюетъ со всѣми сосѣдями. Слабость сосѣднихъ государствъ, истощенныхъ продолжительными войнами и наученныхъ опытомъ не полагаться на малороссійскія войска, неприступность и отдаленность Сѣчи, все это заставляло прощать запорожцамъ даже такіе поступки, какъ

*) Маркевичъ, III, 145 и 153; статьи Юрія Хмѣльн., III, 184.

убійство московскаго посла Ладыженскаго въ 1667 года. Во главѣ Запорожья появляется въ это время кошевой, напоминающій своею дѣятельностью первыхъ гетмановъ, знаменитый Сирко, не только безпрестанно совершающій морскіе походы въ Турцію, но опустошающій два раза Крымъ, причемъ былъ сожженъ Бахчисарай, и грабившій Бѣлгородскую орду. Но именно въ событіяхъ его времени разительнѣе всего отражается перемѣна въ отношеніяхъ татаръ и козачества. „Служили и мы съ татарами послѣ измѣны Брюховецкаго и во время Суховѣева гетманства; крымскій ханъ со всего Крыма запасы собиралъ и къ намъ на кошъ присылалъ, да и теперь, еслибъ хотѣли, будетъ присылать“ говорятъ запорожцы подъячему Щеголеву въ 1672 г., возобновляя союзъ съ Москвою *). Самъ Сирко, такъ часто громившій турокъ и татаръ, возбуждаетъ въ Москвѣ подозрѣніе въ измѣнѣ. Послѣ взятія въ плѣнъ сторонника Турокъ — Дорошенка турецкимъ гетманомъ является Юрій Хмѣльницкій. Въ 1677 г ожидаютъ нападенія турокъ; гетманъ Самойловичъ доноситъ въ Москву на Сирка, „что съ ханомъ крымскимъ заключилъ перемиріе, что къ Хмѣльницкому часто пишетъ и совершенно къ нему склоняется“. Стольникъ Карандѣевъ требуетъ ввиду этого посланки малороссійскаго войска въ Кодакъ; Самойловичъ отвѣчаетъ: „послать мнѣ войска въ Кодакъ нельзя, потому что этимъ городомъ завѣдываетъ Сирко, а послать не спросясь съ запорожцами — только озлить ихъ“. Самостоятельность Запорожья и соблюденіе имъ прежде всего своихъ личныхъ интересовъ видны и изъ отвѣта Сирка гетману на вопросъ, почему онъ позволяетъ татарамъ пользоваться запорожскими степями для кочевья? Сирко отвѣчаетъ, что „у нихъ — де теперь недородъ на траву, а когда мы живя съ татарами по сосѣдски помогаемъ другъ другу, то сіе умному ни мало не удивительно“. При отступленіи турокъ и татаръ изъ-подъ Члгирина въ 1677 г. кошевой также бездѣйствуетъ. „Богъ вамъ не попуститъ“, пишетъ ему Самойловичъ, „и судити васъ за то будетъ, что на погубу отчизнѣ и на неславу свою и всѣмъ намъ держите единомысліе съ бусурманами **).

*) Соловьевъ ХП, 127.

**) Бятышъ-Каменскій. Истор. Малой Россіи II, 136.

Въ писмѣ, посланномъ Сиркомъ хану послѣ раззоренія первымъ Крыма въ 1679 г. *), довольно характерно высказанъ взглядъ кошевого на отношенія къ Крыму, недавнюю войну и пограничныя обоюдныя наѣзды: „и не было-бы того (опустошенія Крыма) ради боязни нашей и давней сосѣдской съ Крымомъ пріязни, когда-бы со стороны вашей не подана была оказія... что-же“, пишетъ онъ дальше, аз’охожихъ молодцовъ самбули ваши и наши, по розлеглимъ и дикимъ степамъ гуляючи, сходятимутця, того Вамъ и намъ до зайстя въ войну великую ставати сполно не треба“. Письмо кончается предложеніемъ прислать выкупъ за плѣнныхъ.

Искренность и даже подлинность всѣхъ такихъ писемъ и анекдотовъ можетъ быть оспариваема. Но несомнѣнно, что идея объ общности интересовъ татаръ и казаковъ царяла въ умахъ современниковъ, записывавшихъ и передававшихъ эти извѣстія. Это убѣжденіе господствовало и въ настроеніи московскаго правительства, гдѣ всѣ неудачи походовъ противъ турокъ, поляковъ и татаръ приписывались, иногда, можетъ быть, не безъ основанія, „шатости“ казаковъ. Послѣ неудачнаго похода кн. Голицына въ Крымъ жертвой этого убѣжденія палъ и самъ Самойловичъ. „Челобитная Генеральной Старшины и всего войска Малороссійскаго объ измѣнѣ гетмана Ивана Самойловича“ обвиняетъ его въ поджогѣ степи на пути русскаго войска, поломкѣ мостовъ на р. Самарѣ, угонѣ лошадей у московской ратн, оставленіи на произволъ судьбы ея раненыхъ и въ цѣломъ рядѣ „продерзкихъ словъ по адресу Москвы и Крымскаго похода“. Гетманъ можетъ быть и не былъ виновенъ ни въ чемъ изъ вышесказаннаго, но среди казаковъ, въ особенности запорожцевъ, можно было найти многихъ, думавшихъ и говорившихъ, что завоеваніе Крыма будетъ невыгодно для казаковъ, такъ какъ только страхомъ передъ татарами обусловливается существованіе казацкаго войска и сохраненіе его льготъ и привилегій.

Рядъ сношеній и союзовъ съ мусульманами во второй половинѣ XVII вѣка не остался безъ послѣдствій. Имя басурмана не возбуждаетъ уже страха и ненависти въ казакѣ. Однимъ изъ исходовъ, предложенныхъ еще на Переяславской Радѣ 1654 г., было подчиненіе султану. Предпріятіе Дорошенка нашло не мало сторонниковъ. Самымъ характернымъ

*) Маркевичъ, II, 266.

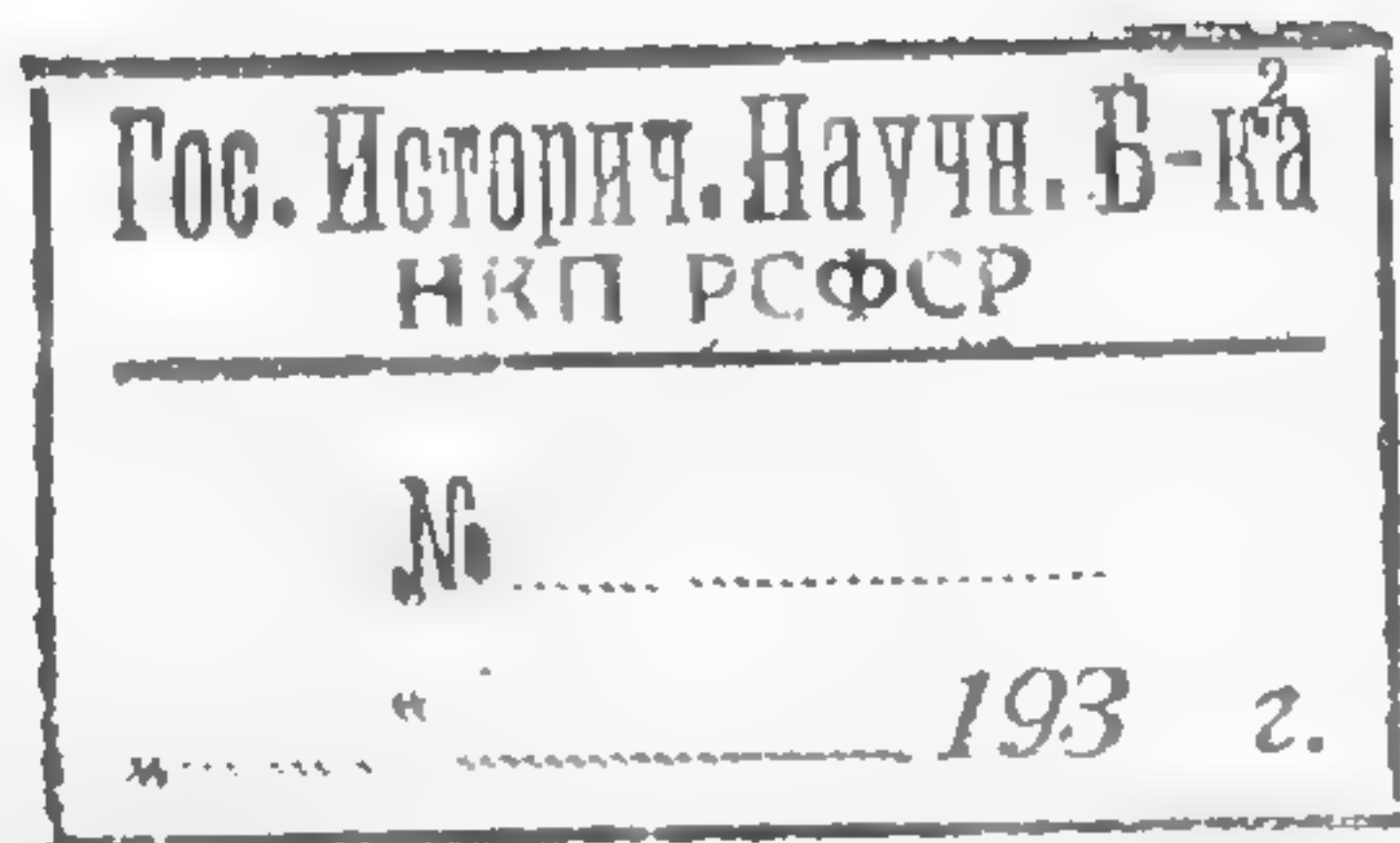
фактомъ исторіи этого періода жизни козачества можно считать его заключеніе — переходъ запорожцевъ въ подданство хану. Этотъ фактъ опровергаетъ, во первыхъ, мнѣніе о непримиримой, фанатической ненависти съ обѣихъ сторонъ, во вторыхъ — взглядъ на запорожцевъ, какъ на военный орденъ — авангардъ сѣвернаго населенія въ борьбѣ съ Крымомъ. Запорожье несло эту службу въ продолженіе почти всей своей исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда признавало себя отдѣльной отъ государства общиной, съ своею особою жизнью и интересами, которые и ставило часто впереди обще-государственныхъ.

Въ Москвѣ это тоже признавали. Интересенъ поворотъ, вызванный въ политикѣ Москвы ослабленіемъ Крыма. Мы часто встрѣчали въ исторіи первыхъ временъ козачества репрессалии польскаго правительства за «промыслы» козаковъ надъ турками и татарами; страхъ передъ возможнымъ возмездіемъ въ видѣ набѣговъ хана вынуждалъ это. Во второй половинѣ XVII в. дѣло стоитъ иначе. Во время войны казаки почти всегда въ союзѣ съ татарами; при мирныхъ договорахъ гетманы сами стараются обезпечить миръ и возможный союзъ съ Ордой*). Мы видѣли политику Богдана Хмѣльницкаго и Юрія въ этомъ отношеніи при переходѣ въ московское подданство; Выговскій, принимая подданство польской коронѣ, дѣйствуетъ въ томъ же духѣ. По 17-й статьѣ Гадячскаго договора 1658 г. **) гетманъ получаетъ право «быть въ дружбѣ съ ханомъ крымскимъ». По статьѣ 14 «правительство должно стараться отворить Днѣпромъ путь къ Черному морю». Объ этомъ хлопочетъ и самъ Самойловичъ, обезпечивающій по Бахчисарайскому миру 1681 г. ***) льготы для запорожцевъ по пользованію рыбными ловлями въ южныхъ лиманахъ и южными соляными озерами. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ можетъ быть не столько своимъ влеченіямъ, судя по вышеописаннымъ столкновеніямъ его съ Сѣркомъ по поводу крымскихъ отношеній, сколько силѣ общественнаго мнѣнія и интересовъ всей Малороссіи и

*) Маркевичъ, III, 145, 153, 184.

**) Соловьевъ XI, 39.

***) Бантышъ Каменскій II, 155.

Запорожья, тѣсно связанныхъ съ Крымомъ въ экономическомъ отношеніи.

Далеко не такъ смотрѣли на южныя дѣла въ Москвѣ. Крыма уже не боялись; напротивъ, съ недовѣріемъ смотрѣли на переговоры казаковъ и пробовали запретить не только самостоятельные переговоры казаковъ съ ханомъ, но вообще всякія сношенія съ татарами. «А миру запорожцамъ съ Крымомъ нкогда не имѣть», сказано въ статьяхъ Мазепы, «и остерегать того накрѣпко, чтобъ изъ Малороссійскихъ городовъ въ Крымъ съ торгами, запасами и всякою живностью не ѣздили и лошадей въ Крымъ не продавали» *).

Не смотря на указы правительства, не смотря на всѣ военныя и политическія смуты конца XVII в., а можетъ быть и благодаря имъ, дѣло культурнаго сближенія Запорожья съ его южными сосѣдями прогрессировало. Торговые договоры гетмановъ, указы московскаго правительства, политика кошевыхъ, все убѣждаетъ насъ въ томъ, что, чуть затихала война, чуть исчезали съ запорожскихъ степей дѣйствующія арміи воюющихъ сторонъ, на нихъ показывались караваны чумаковъ, которымъ тогда приходилось встрѣчаться только съ привычной опасностью — шайками пограничныхъ гайдамакъ или ногайцевъ.

Дипломатическія сношенія также не прекращаются. Самозванный гетманъ Петрикъ изъ Крыма возмущаетъ Запорожье и находитъ тамъ сторонниковъ, хотя не успѣваетъ склонить Войско къ активному союзу съ ханомъ во время своего набѣга съ татарами въ началѣ 1693 г. Зато въ іюнѣ того же года его партія взяла верхъ въ Запорожьѣ и избрала кошевымъ Рубана, сторонника мира и союза съ татарами. Для успокоенія Запорожцевъ на радѣ была прочитана царская грамота, что войны съ татарами не будетъ **). Запорожцы грозили и жаловались, что «во время перемирія гетманъ послалъ бывшего нашего кошеваго Оедка подѣ Очаковъ; Оадко похваталъ турокъ и татаръ, ходившихъ за солью, и многихъ побилъ, а татары побрали за это нашихъ Запорожцевъ невинныхъ на соляной добычѣ 50 человекъ.

*) Величко, Лѣтопись III, с. 38.

**) Соловьевъ, XIV, 205—209.

Гетманъ долженъ выдать намъ всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ Оедкомъ, и его самого, а если этого не сдѣлаетъ, то пусть ждетъ насъ съ ордами къ себѣ на зиму въ гости». Запорожскій писарь тогда-же говорилъ послу Мазепы: «когда ханъ возвратится изъ войны венгерской, то запорожцы хотятъ тотчасъ утвердить съ нимъ миръ и идти войною на великороссійскіе города» *).

Конечно, до войны съ гетманомъ и со всею Россіей дѣло не дошло; Запорожцы одумались и, по выраженію лѣтописца, «лагоднѣйше и складнѣйше написали гетману **). Впрочемъ, они все-таки категорически отказались прервать сношенія съ Крымомъ, говоря, что только благодаря миру и торговлѣ съ татарами Войско можетъ жить, получая по 6 бочекъ муки на курень и по два алтына и по аршину сукна на казака въ годъ.

Въ разсказѣ лѣтописи ***)) о взятіи Кизикерменя въ 1695 году, во время возобновившихся военныхъ дѣйствій противъ татаръ, мы находимъ свидѣтельство о различномъ отношеніи мусульманъ къ гетманскимъ и московскимъ войскамъ съ одной стороны и къ запорожцамъ съ другой, представляющее нѣкоторый интересъ. Когда верхній городъ былъ брошенъ защитниками, гетманскія и московскія войска, «зъ крайняго безумія своего», сожгли его со всей добычей. На другой день турки, начавшіе выходить изъ нижняго города и сдаваться тѣмъ-же войскамъ, были «черезъ навалность войсковую ошарпани» ими; большинство предпочло спуститься со стѣнъ въ лодки запорожцевъ, приплывшихъ для этого къ берегу Днѣпра; запорожцы перевезли ихъ на Таванскій островъ и тамъ обообрали ихъ, но «безобидно», по выраженію лѣтописца.

По 4-й ст. Константинопольскаго мира 1700 года ****)) по обыкновенію были воспрещены нападенія казаковъ на Крымъ и Турцію. Но очевидно въ Москвѣ боялись вовсе не этого. Въ слѣдующемъ же году Мазепа посылаетъ запорожцамъ строгій выговоръ за намѣреніе помочь хану въ борьбѣ съ

*) Ibid.

**) Величко, III, 170—174.

***)) Величко, III, 284

****)) Соловьевъ, XIV, 333.

возмутившимися ногайцами *). Кошевой отвѣчалъ, что за внезапностью приглашенія трудно было увѣдомлять Москву, по бѣдности же войска нельзя его лишать наживы; „здѣсь незаконная вольность“, пишетъ онъ, и далѣе: «надобно-бы радоваться, что басурманы, бранясь между собой, насъ призываютъ себѣ на пагубу».

Подъ тѣмъ же 1701 г. мы находимъ извѣстіе о своемоліи запорожцевъ и о трудности справляться съ ними даже для соединенныхъ силъ царя и гетмана, занятыхъ шведскою войной. Запорожцы разорили селитряные заводы на Самарѣ и ограбили греческихъ купцовъ, ѣхавшихъ въ Москву. Султанъ потребовалъ удовлетворенія. Изъ Москвы спрашивали Мазепу, какъ поступить? Онъ отвѣчалъ, что умѣлъ-бы покарать запорожцевъ, если-бы не боялся «привести ихъ въ послѣднее отчаяніе и отогнать отъ милости монаршей **). Издавна не разъ бывало, что они, усмотря какое-нибудь неудовольствіе, уходили въ сосѣднія области, что и теперь имъ сдѣлать не трудно.. у нихъ одинъ отвѣтъ: у насъ нѣтъ зачинщиковъ, мы всѣ это сдѣлали, все войско запорожское низовое на то позволило... Есть у нихъ писарь Зеленецкій, измѣнникъ, который былъ первымъ совѣтникомъ Петрику и вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ ушелъ, навелъ на Украину татаръ и запорожцевъ... если-бъ далъ Богъ прибрать его къ рукамъ, то тайны запорожскія открылись-бы, ибо недостаточное дѣло, чтобы запорожцы поступили такъ дерзко, не будучи обнадѣжены.. либо отъ хана, либо отъ поляковъ». Употребили уловку: Запорожецъ Крыса, пріѣхавшій въ Москву за жалованьемъ съ товарищами, былъ схваченъ. Ему съ товарищами въ случаѣ упорства Запорожья грозила смертная казнь. Ханъ отказался дать помощь противъ Россіи, ссылаясь на мирные договоры; запорожцы принесли повинную.

Въ 1703 году ***) русскій посолъ въ Константинополѣ Толстой получилъ отъ Спиліота, племянника іерусалимскаго патріарха, извѣстія, что турки опасаются русскаго флота въ Азовѣ и Таганрогѣ, что крымскіе мурзы просятъ султана объявить войну Россіи и говорятъ, что у нихъ есть письма

*) Соловьевъ, XIV, 367.

**) Соловьевъ, XIV, 370—372.

***). Соловьевъ, XV, 78—81.

отъ короля шведскаго, отъ поляковъ и запорожцевъ съ обѣщаніемъ помощи: запорожцы обѣщаютъ сжечь царскій флотъ. Война не была объявлена, но Порта предъявила требованіе, между прочимъ, объ уничтоженіи Каменнаго Затона, крѣпости, выстроенной у Запорожья. Толстой отвѣчалъ, что Каменный Затонъ построенъ, во первыхъ, на мѣстѣ, отъ котораго Россія не отказывалась по послѣднему миру; во вторыхъ, что построить эту крѣпость принудили крымцы, которые подучили запорожцевъ быть непокорными царскому величеству, и построена она вдали отъ границъ турецкихъ для защиты купцовъ и удержанія запорожскаго своеволія.

Въ томъ-же духѣ были донесенія Мазепы: *) «О зломъ намѣреніи проклятыхъ запорожцевъ мало не черезъ всякаго гонца писалъ. Не такъ страшны они, запорожцы... и пересылки съ ними хана крымскаго, какъ то дѣло разсуждать надобно, что чуть не вся Украина запорожскимъ духомъ дышетъ» Онъ писалъ, что запорожцы, недовольные постройкой Каменнаго Затона, заключили союзъ съ ханомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не совѣтовалъ крутыхъ мѣръ, говоря, что: 1) за дальностью разстоянія идти на нихъ трудно, 2) будетъ имъ помощь отъ хана, 3) здѣсь Мазепа оказывается пророкомъ, что впрочемъ не удивительно,—если, «испугавшись войска выйдуть изъ Сѣчи, то пойдутъ во владѣніе хана... внизъ Днѣпра... и пущее разореніе будутъ чинить».

На Запорожье поѣхалъ стольникъ Протасьевъ для привода казаковъ къ присягѣ. Запорожцы отвѣчали на вопросъ о пересылкахъ съ ханомъ, что къ нему посылали они не для измѣны, а для того, чтобы освѣдомиться, зачѣмъ ходятъ послы изъ Москвы въ Крымъ и Турцію? «Прежде они-де это всегда знали, а теперь ходятъ послы мимо Сѣчи». Отъ присяги отказались до уничтоженія Каменнаго Затона.

Въ слѣдующемъ 1704 году кошевой опять заявляетъ царскому послу претензію на воеводу Каменнаго Затона, который сильно стѣсняетъ запорожцевъ надзоромъ за ихъ поведеніемъ. „Присылаетъ онъ“, говоритъ кошевой **), „на кошъ людей своихъ для провѣдыванія... а у насъ мало-ли какіе

*) Соловьевъ, XV, 163 и д.

**) Соловьевъ, XV, 165.

есть пьяные казаки, говорятъ, кто что хочетъ, и того слушать у нихъ нечего... а если онъ, воевода, и впредь такъ будетъ дѣлать... то, чтобъ отъ его злыхъ поступковъ не учинилось какого возмущенія“.

Если даже нѣкоторыя изъ всѣхъ этихъ извѣстій о сближеніи татаръ и запорожцевъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. не совсѣмъ достовѣрны, или преувеличены, что все-таки число ихъ и категорическій характеръ заслуживаютъ вниманія; самый тонъ запорожскихъ претензій показываетъ крайнюю самостоятельность. Запорожье никогда не пользовалось большею независимостью, чѣмъ въ это время; Москва была далеко, занята тяжелой войной; раздвоенная Малороссія, раздираемая антагонизмомъ значныхъ казаковъ и войсковой черни, доставляла Сѣчи обильный контингентъ выходцевъ, недовольныхъ московскимъ правительствомъ, своими старшинами или налогами; разнообразныя перипетіи войнъ и политики конца XVII в., прошедшія безнаказанно для Запорожья, увѣрили войско въ его силѣ, въ неприступности его границъ и частыми союзами съ татарами приучили смотрѣть на хана, какъ на естественнаго союзника.

Прибавимъ, что наступалъ моментъ неизбежнаго столкновенія между казачествомъ и государствомъ. Первое не могло мириться съ дисциплиной второго, съ урѣзываніемъ своихъ правъ и льготъ, съ невозможностью болѣе быть государствомъ въ государствѣ; второе, напрягавшее всѣ силы въ тяжелой внѣшней борьбѣ и внутреннихъ реформахъ, не могло терпѣть на своихъ границахъ существованія казацкихъ общинъ, менѣе уже необходимыхъ по мѣрѣ ослабленія татаръ, но которыя тѣмъ не менѣе продолжали истощать государство, привлекая къ себѣ вольною жизнью массу лучшихъ силъ его, крестьянъ и бѣглыхъ солдатъ и, по старымъ традиціямъ, давая у себя убѣжище всѣмъ недовольнымъ и преступнымъ элементамъ государства. Въ виду этихъ сталкивавшихся интересовъ тѣмъ подозрительнѣе и опаснѣе была для государства и иностранная политика козачества, ревниво охранявшаго свою независимость и не останавливавшаяся передъ союзами съ внѣшними врагами.

Первые взбунтовались Довцы, можетъ быть потому, что кромѣ общихъ съ другими казаками причинъ ихъ возбуждалъ и мотивъ религіозный, преслѣдованіе раскольниковъ. Въ 1707 году Булавинъ явился на Запорожье просить по-

мощи. Ему сочувствовали, разрѣшили вести съ собою охотниковъ и обѣщали, что все Войско пойдетъ за нимъ, когда онъ призоветъ Бѣлогородскую и Ногайскую орды, горскихъ черкесъ и калмыковъ. Въ грамотахъ, разосланныхъ Булавинымъ по сѣвернымъ донскимъ городкамъ, были увѣренія, что съ нимъ заодно запорожцы и многія орды.

Запорожье не двинулось за Булавинымъ, будучи удержано на этотъ разъ усиліями духовенства; но около 2000 охотниковъ пристало къ бунту и погибло во время его усмиренія.

Но въ концѣ 1708 года вторженіе шведовъ и измѣна Мазепы окончательно подвигаютъ запорожцевъ на открытый разрывъ съ Россіей. Только недалъновидная политика Порты и умное поведеніе русскаго посла въ Константинополѣ счастливо вывели Россію изъ затруднительнаго положенія. Подарками визирямъ, возвратомъ плѣнныхъ, и то въ умѣренныхъ размѣрахъ, невысказываніемъ большого страха — этими средствами Толстой добился сохраненія мира, не смотря на всѣ настоянія хана, писавшаго Портѣ о своихъ переговорахъ съ запорожцами, которые просились уже подъ его протекцію. Ханъ принужденъ былъ соблюдать нейтралитетъ и запорожцы поднялись безъ него, соединились съ Карломъ и раздѣлили его судьбу: 14 мая 1709 г. Сѣчь была взята и разорена русскими войсками.

Но непостоянная политика Порты поддержала козаковъ и не дала искоренить Запорожье; по несчастному для Россіи Прутскому миру 1711 г. запорожцы сохраняли всѣ свои земли, устроивши Сѣчь въ Алешкахъ, въ низовьяхъ Днѣпра, подъ протекторатомъ хана, гдѣ и пробыли до 1733 г., когда Запорожье вновь перешло въ русское подданство и по Бѣлградскому миру 1739 было оставлено за Россіей.

Время пребыванія запорожцевъ подъ владычествомъ хана крайне бѣдно историческими свѣдѣніями о жизни Запорожья. Культурная связь его съ Крымомъ могла, конечно, только упрочиться; но положеніе запорожцевъ было тяжелое, какъ видно изъ немногихъ документовъ, относящихся къ этому періоду его исторіи.

Граница русскихъ владѣній, проведенная по р. Самарѣ на сѣверѣ Запорожья, была закрыта для всякихъ сношеній строгими указами Имп. Петра, несмотря на п. 9 статей, представленныхъ новоизбраннымъ гетманомъ Скоропадскимъ, гдѣ

гетманъ доказывалъ необходимость для Малороссіи продолжать черезъ Запорожье сношенія съ Крымомъ *). „Запорожцы утратили Сѣчь...“, пишетъ онъ, „однакъ понеже весь народъ малороссійскій оттоль рѣбами и солью питался и на всякомъ звѣру имѣлъ добычу, аби и теперь... вольный туди з-Украины былъ путь“. Строгость правительства была слѣдствіемъ нападеній запорожцевъ (такъ подъ Крыловымъ въ 1710 г. запорожцами и татарами было захвачено и продано въ Турцію много малороссіянъ **); кромѣ того правительство тревожила дѣятельность Орлика и другихъ мазепинцевъ ***), не перестававшихъ, вмѣстѣ съ Шведскимъ королемъ, волновать своими универсалами Запорожье и Малороссію. Даже въ дѣлѣ черниговскаго полковника Полуботка, арестованнаго въ 1724 г. за отстаиваніе автономіи Малороссіи, или, скорѣе, привилегій старшинъ Малороссійскаго Войска, всплыли обвиненія въ сношеніяхъ съ Запорожьемъ и Крымомъ, имѣвшихъ якобы цѣлью отдать всю Украину подъ покровительство султана ****). Старый планъ Дорошенко еще казался опаснымъ.

Кромѣ разрыва съ Малороссіей положеніе запорожцевъ въ Крыму отягощалось и другими условіями. „Вольности“ (земли) войска были ему оставлены ханомъ, равно какъ и всѣ его доходы, мостовые (съ купцовъ за проѣздъ по мостамъ) и др. До очищенія Запорожья русскими войсками, казаки получали отъ хана жалованье провіантомъ и деньгами. Кромѣ того озерная соль первое время отпускалась имъ даромъ, пока, подъ предлогомъ, или по причинѣ, что съ запорожцами на озеро приходили и малороссійскіе солевозы, это не было отмѣнено.

Но несомнѣнное нравственное угнетеніе отъ подчиненія татарамъ, съ обязанности вмѣстѣ съ ними нападать на предѣлы Малороссіи скоро заставило запорожцевъ обратиться къ русскому правительству съ просьбами о помплованіи. Къ этому присоединялись и другія невзгоды, о которыхъ мы, правда, узнаемъ изъ запорожскихъ челобитныхъ, гдѣ, само собою ра-

*) Просительныя статьи Скоропадскаго подъ Рѣшетиловкою 17 іюля 1709 г. Марк. IV, 309.

**) Бантышъ-Каменскій IV, 39.

***). Соловьевъ, XVI, 384, 5.

****). Соловьевъ, XVIII, 234.

зумѣется, всѣ несправедливости, претерпѣваемые ими, представлены скорѣе въ преувеличенномъ видѣ. Впрочемъ, изъ документовъ этого времени намъ извѣстны нѣсколько ханскихъ ярлыковъ *) съ приговорами надъ войскомъ, гдѣ запорожцы наказываются по жалобѣ пограничныхъ польскихъ властей за „многихъ убитыхъ ляховъ и жидовъ, за пролитую кровь христіанскую“; съ упреками въ неоднократныхъ нарушеніяхъ клятвъ и провинностяхъ всякаго рода и съ угрозами истребленія всего коша Ногайцами.

Въ своихъ челобитныхъ то хану, то Россіи запорожцы съ своей стороны жалуются на несправедливость мусульманскихъ судовъ, обиды со стороны ногайскихъ кочевниковъ, съ которыми нельзя было, конечно, раздѣлываться по-прежнему. Во внутреннихъ династическихъ и другихъ безпорядкахъ Крыма болѣе всѣхъ терпѣть приходилось запорожцамъ, по крайней мѣрѣ по ихъ словамъ. Такъ, въ письмѣ кошевого Милашевича къ Капланъ-Гирею 1734 г. говорится объ усмиреніи мятежа ногайскихъ татаръ въ 1728 году подъ предводительствомъ Адиль-Гирея, когда сильно пострадали увлеченные послѣднимъ запорожцы; Менгли-Гирей разбилъ мятежниковъ и продалъ въ неволю много казаковъ. „Жаднаго турка, а ни простого татарина смертію не скаралъ, а ни въ неволю не спродалъ, только казаковъ повиноватили“, пишетъ кошевой **).

Немалую тягость представляли и обязательные походы въ помощь ханскимъ войскамъ противъ черкесъ, какъ въ 1712 г., или работы по укрѣпленію Перекопа, или прокормленіе ханскихъ мурзъ и ихъ многочисленной свиты, пріѣзжавшихъ для осмотра Сѣчи, рѣшенія тяжбъ и т. п. Такія великія „нужды и кривды“, грабительства ногайцевъ и несправедливость судовъ, гдѣ казаки „души свои тѣми присягами попроклинали“, и все таки должны были отвѣчать своимъ „добромъ“ за всѣ потери мусульманъ въ имуществѣ, стадахъ и рабахъ, заставили запорожцевъ уже съ 1716 года постоянно обращаться въ Россію съ „нижайшими челобитными“.

Но партія мазепинцевъ, еще сильная въ первое время

*) Письмо хана Капланъ-Гирея — Скальковскій Ист. Нов. Сѣчи II, 38.

**) Скальковскій II, 30.

на Запорожьѣ, съ одной стороны не давала возможности единодушной, рѣшительной переменѣ политики, съ другой возбуждала справедливое недовѣріе въ русскомъ правительствѣ, вслѣдствіе чего, а также по нежеланію войны съ Турціей, русское правительство оставляло безъ вниманія первыя ходатайства запорожцевъ въ 1716, 1717, 1720 и др. годахъ и издавало строгія мѣры противъ сношеній малороссіянъ съ Запорожьемъ, тѣмъ болѣе что Орликъ, продолжавшій называться малороссійскимъ гетманомъ, все еще пересылался съ Запорожьемъ черезъ Нахимовича, Герцика и др. и имѣлъ тамъ сильную партію.

Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣняются. Дѣятельности и планамъ послѣднихъ мазепинцевъ, скитающихся по Турціи и Европѣ, перестаютъ придавать серьезное значеніе; разрыва съ Турціей уже не боятся. Въ 1730 году кіевскій губернаторъ Вейсбахъ, устраивая оборонительную линію на югѣ Малороссіи, убѣждается въ трудности защиты края безъ такихъ войскъ, какъ запорожцы, завязываетъ съ ними сношенія, добивается „простительной грамоты“ и въ 1734 году запорожцы переходятъ въ русское подданство, оставляютъ Алешковскую Сѣчь и переселяются вверхъ по Днѣпру къ р. Подпольной, гдѣ и основываютъ послѣдній Кошъ

Переходъ запорожцевъ на новое мѣсто, или по крайней мѣрѣ приготовленія къ нему, сборъ войска, пушекъ, обоза и т. п., были облегчены тѣмъ, что въ концѣ 1733 года запорожцы получили отъ хана приказаніе идти въ Польшу на поддержку партіи Станислава Лещинскаго, заключившаго союзъ съ Крымомъ *). Такія объясненія и давали запорожцы встрѣчавшимъ ихъ во время похода вверхъ по Днѣпру ногайцамъ и догнавшимъ ихъ посланцамъ перекопскаго каймакана.

Въ знакъ своей покорности русскому правительству запорожцы отослали въ Петербургъ нераспечатанными первыя же письма Орлика и Капланъ-Гирея, наполненныя упреками и обѣщаніями всякихъ льготъ въ случаѣ возвращенія **). Вейсбахъ разрѣшилъ Войску отвѣтить хану, и отвѣтомъ былъ рѣшительный отказъ возвратиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Скальковскій II, 55 и д.

**) Скальковскій II, 59—63.

Вейсбахъ обѣщалъ принять мѣры, чтобы ханъ болѣе не писалъ запорожцамъ, и съ этого момента исторія Запорожья и его дипломатическихъ сношеній съ Крымомъ вступаетъ въ новый фазисъ.

Сила государства, принявшаго запорожцевъ въ подданство, не допускала и тѣни той самостоятельности въ политикѣ, какою пользовалось Запорожье въ XVII в. Война и миръ зависятъ теперь всецѣло отъ рѣшенія Петербургскаго двора. Вслѣдъ за переходомъ на новую Сѣчь запорожцы сейчасъ-же принимаютъ участіе въ войнѣ 1735—1739 гг., какъ и во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ. Но принятіе подданства Россіи и явное слѣдованіе ея политикѣ все таки не прервало вполнѣ связей Запорожья съ Крымомъ, хотя сношенія ихъ носятъ теперь иной характеръ. Въ Крыму все еще вѣрили въ возможность восстановленія прежнихъ отношеній; кромѣ того, культурныя связи были очевидно крѣпкими; не смотря на репрессаліи противъ запорожцевъ въ Турціи послѣ ихъ перехода и на истребленіе въ отвѣтъ на это въ Сѣчи турокъ и татаръ въ 1734 г. *), въ іюнѣ 1735 г. при самомъ началѣ войны запорожскіе торговцы пріѣзжаютъ изъ Крыма съ извѣстіями о планахъ хана **).

Чтобы покоячить съ вопросомъ о послѣднихъ проявленіяхъ самостоятельной политики Запорожья, слѣдуетъ обратить вниманіе на событія, предшествовавшія 1-й турецкой войнѣ при И. Екатеринѣ II.

Интересы Запорожья шли въ это время все болѣе и болѣе въ разрѣзъ съ интересами правительства. Причины этого были, какъ общія, органическія, которыя по существу дѣлали невозможнымъ для централизованнаго и дисциплинированнаго государства сосѣдство своевольной общины, поступками которой вызывалось неудовольствіе сосѣднихъ государствъ и которая привлекала къ себѣ массу трудового населенія изъ внутреннихъ областей своей свободной почти отъ всякихъ повинностей жизнью. Кромѣ этихъ общихъ причинъ, вызывавшихъ постоянно столкновенія казачества съ государствомъ и ранѣе, въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка дѣйствовали причины и частныя.

Богатыя запорожскія степи, въ это время уже почти

*) Скальковскій II, 72.

**) Скальковскій II, 86.

безопасныя отъ татарскихъ наѣздовъ, представляли всѣ удобства для обширнаго земледѣлія. Онѣ, въ особенности въ сѣверныхъ предѣлахъ Запорожья, не оставались безъ земледѣльческаго населенія; Запорожье въ моментъ своего конца имѣло болѣе 100,000 человѣкъ крестьянъ, свободныхъ арендаторовъ, и даже, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ, конечно, не къ лицамъ, а къ урядамъ. Но все это богатство не приносило ничего государству. Мало того, вольное земледѣліе въ предѣлахъ Запорожья привлекало туда массу земледѣльческаго люда изъ предѣловъ государства; преступные элементы послѣдняго также находили пріютъ среди казачества, не измѣнявшаго старымъ традиціямъ.

Все это заставляло государство съ одной стороны стараться измѣнить основныя устои жизни казачества, несовмѣстимыя съ идеей государственности; съ другой — распространять государственность прямо насчетъ территоріи Запорожья, поселяя колонистовъ и устраивая крѣпости и военныя поселенія. Такъ, въ 1741 г. *) изъ бѣжавшихъ изъ Велпкой и Малой Россіи людей составилось населеніе семи селъ въ окрестностяхъ Днѣпра и Тясмина. Эти села были причислены къ Малороссіи, хотя находились на запорожскихъ земляхъ. Еще болѣе стѣснило Запорожье учрежденіе сербскихъ военныхъ поселеній на его территоріи: Ново-Сербіи на сѣверо-западѣ въ 1752 г. и Славяно-Сербіи въ сѣверовосточной части Запорожья въ 1753 г.

Таковы были условія, обострившія отношенія между Россіей и Запорожествомъ; мусульманскія же государства въ виду опаснаго могущества Россіи вновь завязываютъ сношенія съ казаками при наступленіи войны. Впрочемъ, извѣстія объ этихъ сношеніяхъ, при всей вѣроятности, все таки очень неопредѣленнаго характера. Запорожье не могло надѣяться на благополучные результаты открытаго перехода на сторону татаръ и явной измѣны не послѣдовало; но почти одновременное свидѣтельство различныхъ источниковъ подтверждаетъ фактъ существованія въ періодъ 60-хъ годовъ XVIII вѣка на Запорожьѣ партіи, которая не прочь была пуститься по рискованному пути прежней политики.

Въ 1767 году запорожскій старшина Савицкій доноситъ

*) Скальковскій II, 139.

на кошевого Колышевскаго въ умыслѣ, „выбравъ въ войскѣ добрыхъ 20 человекъ *), послать къ турецкому императору съ прошеніемъ принять подъ покровительство“, и въ приказаніяхъ войску „быть въ готовности къ походу противъ Россіи“. Самый характеръ документа, — доносъ, конечно, можетъ возбуждать сомнѣніе; но надо принять во вниманіе, что содержаніе такихъ документовъ почти всегда соотвѣтствуетъ если не истинѣ, то взглядамъ и убѣжденіямъ современниковъ.

Въ слѣдующемъ году Румянцевъ пишетъ Императрицѣ, что запорожцы увѣдомили его о своемъ отказѣ заключить союзъ съ Турціей, и при этомъ съ негодованіемъ отзывается о поведеніи кошевого, который отправилъ назадъ турецкаго посла съ отвѣтнымъ письмомъ, вмѣсто того чтобы схватить и представить его въ Кіевъ. „А я и не могу вообразить“, пишетъ Румянцевъ, „какую переписку въ сей матеріи можно бы продолжать подданному съ непріятелемъ, которая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ столь подозрительна...“ **),

Въ томъ-же году Крымъ-Гирей-ханъ посылаетъ въ Сѣчь безъ всякаго выкупа 75 человекъ запорожцевъ ***) и болѣе 300 головъ скота, захваченныхъ татарами на соляныхъ озерахъ. Кіевскій губернаторъ Воейковъ, узнавъ о томъ, пишетъ въ Кошъ предостерегательныя письма, считая, или показывая видъ, что считаетъ это за коварную уловку хана для усыпленія бдительности запорожцевъ. Какой былъ дѣйствительный смыслъ ханскаго подарка и всѣхъ вышеуказанныхъ извѣстій — неясно; но когда Крымъ-Гирей, по воинственности напомилавшій прежнихъ хановъ, предпринялъ въ 1769 г. послѣдній большой набѣгъ на южную Русь и направилъ его на ненавистныя для запорожцевъ военныя поселенія Новой Сербіи, запорожцы бездѣйствовали. Баронъ де-Тоттъ, очевидецъ набѣга, говоритъ ****) объ ихъ отказѣ подать помощь коменданту крѣпости Св. Елизаветы. Въ его довольно подробномъ описаніи похода хана мы нигдѣ не видимъ ни малѣйшаго противодѣйствія татарамъ со стороны запорожцевъ. Сопоставивъ всѣ эти указанія, можно быть до нѣкоторой степени увѣреннымъ даже въ косвенной помощи тата-

*) Соловьевъ XXVII, 56.

**) Соловьевъ XXVIII, 32.

***) Соловьевъ III, 44.

****) Записки Тотта, изд. Кіевск. Стар., стр. 30.

рамъ, оказанной казаками. Прямыхъ доказательствъ этого не было, а подозрѣнія, существовавшія у Румянцева и другихъ современниковъ, заставило замолчать наступленіе первой турецкой войны и необходимость замять дѣло, поднятіе котораго могло быть въ это время крайне неудобнымъ и опаснымъ. Существованіе турецкой партіи среди запорожцевъ косвенно подтверждается извѣстіями о необыкновенныхъ безпорядкахъ въ ихъ средѣ, бывшихъ въ 1768—1770 годахъ и начавшихся на радѣ 26 декабря 1768 года *), когда Калнышевскій объявилъ Войску распоряженія правительства по случаю приближающейся войны съ Турціей. Заговоры и бунты, хотя и не единодушные, продолжаются все это время; участники послѣднихъ проговариваются о своемъ намѣреніи перебить старшину и русскій гарнизонъ и передаться Турціи.

Среди какой части Войска было болѣе всего броженія? Это мы видимъ изъ дѣйствій запорожцевъ во время пребыванія въ Крыму. Въ 1728 году въ Алешковской Сѣчѣ также были безпорядки, запорожцы заковали атамана и старшину, разграбили шинки и лавки и, забравъ имущество и скотъ купцовъ и богатыхъ казаковъ, перешли на старую Сѣчь, къ русскимъ границамъ **). Очевидно, какъ переменна татарскаго подданства на русское, такъ и смуты 1768—1770 гг. были дѣломъ „голытьбы“, „войсковой черни“, которая по существу могла менѣе всего терять отъ всякихъ рискованныхъ политическихъ предпріятій; напротивъ, старшина и богатые казаки охотнѣе мирились съ правительствомъ, ханскимъ или русскимъ, тѣмъ болѣе что и стѣснительныя мѣры этихъ правительствъ болѣе всего ложились на гайдамацкій элементъ Запорожья, долѣе другихъ сохранявшій традиціи стараго казачества.

Изучая исторію политическихъ сношеній Запорожья съ Крымомъ, не должно забывать и главной роли запорожцевъ — военной. Они были аванъ-постомъ польскаго, затѣмъ русскаго государства въ борьбѣ со степью; они были народнымъ войскомъ, пополнявшимся выходцами изъ среды главнымъ образомъ малороссійскаго народа, готовымъ всегда стоять за интересы народа противъ кого-бы то ни было. Но у Запо-

*) Скальковскій II, 363—367.

**) Андріевскій. Матеріалы для исторіи Южно-русскаго края въ XVIII вѣкѣ, изд. Одесск. Общ. Истор. и Древн., стр. 8.

рожья была своя культура, жизнь, свои интересы, не всегда совпадавшие съ выгодами сосѣдняго края; и если лѣтописцы казацкіе и другіе источники въ огромномъ большинствѣ своихъ извѣстій выводятъ Запорожцевъ въ качествѣ борцовъ противъ Крыма, Турціи или Польши, то лишь благодаря тому, что именно эта ихъ дѣятельность чувствительнѣе всего отзывалась на жизни ихъ сосѣдей. У нихъ же попадаются и другія указанія, изъ которыхъ видно, что Запорожье, исполняя свою военную роль, не избѣгало и другихъ отношеній къ Крыму, что близкое ихъ сосѣдство и часто совпадающіе интересы издавна заставляли ихъ сближаться и вырабатывать извѣстныя формы сношеній.

Встрѣчая у лѣтописцевъ и въ запискахъ современниковъ эти указанія, должно приписывать ихъ бѣдность и случайный характеръ отдаленности и непреступности страны, служившей ареной дѣятельности запорожцевъ, и почти полному отсутствію памятниковъ запорожскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ до XVIII в. Но эти указанія, не смотря на свою малочисленность, объясняютъ намъ характеръ Запорожья, какъ общины съ самостоятельной жизнью и цѣлями, — общины, существованіе которой обуславливалось существованіемъ Крыма, имѣвшей съ нимъ часто общіе интересы, черпавшей частью оттуда свою культуру, тактику, средства къ существованію и даже личный составъ, на что указываетъ обиліе среди запорожцевъ прозвищъ татарскаго происхожденія и прямо татарскихъ (Румянцевъ, негодунъ, какъ сказано выше, на переписку запорожцевъ съ Портой, пишетъ въ 1768 г. *), что сношенія эти чрезвычайно подозрительны «по разсужденію, что войско запорожское не одноземцы, но всякихъ націй составляютъ народы»). Все это поясняетъ намъ тѣ историческія явленія, гдѣ запорожцы становятся измѣнниками краю и пособниками хановъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ естественную необходимость отдаваться подъ покровительство мусульманскихъ государствъ послѣ всякихъ разгромовъ со стороны государствъ сѣверныхъ. Такъ боролся Богданъ Хмѣльницкій противъ Польши, такъ поступили запорожцы въ 1711 г., и такъ окончилась уходомъ ихъ въ Турцію историческая жизнь Запорожья въ 1775 г.

*) Соловьевъ XXVIII, 33.

Но кромѣ политическихъ связей Запорожья съ Крымомъ, существовали у нихъ дипломатическія сношенія другого рода. Постоянное пребываніе запорожцевъ для промысловъ и торговли въ татарскихъ предѣлахъ и наоборотъ вызывало массу столкновеній, улаживаніе которыхъ съ теченіемъ времени все болѣе считается необходимымъ; этого-то рода переговоры и наполняютъ почти всю исторію запорожской дипломатіи въ періодъ 1734—75 гг. Кромѣ сравнительнаго обилія документовъ этой эпохи, количество извѣстій объ улаживаніи пограничныхъ обидъ объясняется и нѣкоторымъ поворотомъ во внутренней жизни Запорожья.

Запорожье, какъ по образу жизни, такъ и по личному составу, представляло всегда крайній демократическій элементъ казачества. Но хотя образованіе партій и неравномѣрное распредѣленіе имуществъ сравнительно запоздало въ немъ и никогда не достигло такихъ размѣровъ, какъ въ Гетманщинѣ, тѣмъ не менѣе въ послѣдній періодъ его исторіи мы видимъ и въ немъ нѣкоторые признаки разложенія. Старшина и зажиточные казаки — элементъ болѣе культурный, ясно сознающій положеніе Запорожья, необходимость ладить съ правительствомъ, чтобы сохранить войсковое управленіе, «вольности» и привилегіи, находятся въ постоянной борьбѣ съ массой низоваго войска и пользуются для нея поддержкой правительства. Масса же войска, „сиромѣ“, „гультаи“, „чернь войсковая“ уже не находятъ для себя даже въ Сѣчѣ достаточно простора, бунтуетъ на радахъ и уходитъ изъ Сѣчи. Такъ, въ 1748 г. капитанъ Павловъ рапортуетъ о выборѣ кошевого и о побоищѣ при этомъ, „каковаго непорядочнаго выбору еще никогда не бывало“ *). Рада 1-го января 1759 г. также кончилась кровопролитіемъ, когда чернь, недовольная строгостью кошевого, хотѣла истребить старшину **).

Но всѣ усилія массы воскресить прежній бытъ Запорожья парализовались вліяніемъ богатаго культурнаго слоя, представителями котораго были почти всѣ кошевые, какъ Мплашевичъ, Григорій Лантухъ и Калнышевскій, поддерживаемые въ критическіе моменты русскимъ гарнизономъ Новосѣченскаго ретраншаментѣ. Недовольные элементы За-

*) Андреевскій, Матерьялы, 141.

**) Скальковскій II, 2.

порожья находили выходъ на окраинахъ его земель и были главной причиной, вызывавшей недовольство всѣхъ сосѣднихъ государствъ, вслѣдствіе отправленія на далекіе рыболовные промыслы, или гайдамацкіе набѣги, причемъ первые часто принимали характеръ послѣднихъ. Даже восточные берега Азовскаго моря и Ейскій лиманъ были ареной ихъ дѣйствій. Эти промыслы, заведенные однимъ изъ знаменитыхъ своевольцевъ того времени, калміускимъ полковникомъ Кишенскимъ, просуществовали, несмотря на нападенія Кубанскихъ татаръ, напр. въ 1753 г., и на указы русскаго правительства, напр. въ 1767 г., до самаго 1790 г., когда ихъ тамъ застали переселенные на Кубань послѣ разрушенія Сѣчи запорожцы.

Этотъ то буйный элементъ Запорожья, вызвавшій между прочимъ знаменитую „Колішвицну“ въ польской Украинѣ, давшій поводъ къ 1-й турецкой войнѣ сожженіемъ Балты въ 1763 г. и не прекращавшій нападеній на татарскія кочевья, опредѣляетъ характеръ содержанія большинства актовъ о переговорахъ съ татарами въ періодъ 1734—1775 гг.; всѣ эти переговоры вызываются необходимостью удовлетворить взаимныя претензіи пограничныхъ жителей. При этомъ, въ виду ли вышеуказанныхъ причинъ, или вслѣдствіе склонности татарскихъ дипломатовъ къ преувеличеніямъ, болѣе хищнымъ элементомъ въ этихъ актахъ являются запорожскіе гайдамаки; а татары, по ихъ словамъ, терпятъ гораздо болѣе убытковъ на границахъ въ видѣ имущества, людей и скота, чѣмъ запорожцы. Такъ, въ комиссіи 1749 г. Запорожцы требуютъ удовлетворенія за 18 убитыхъ и 33 плѣнныхъ козаковъ и въ доказательство представляютъ раненаго козака Шульгу; татары же отвѣчаютъ „что за 2 года ихъ татаръ до смерти поколото и порублено и ранено болѣе 600 человѣкъ, коихъ они никогда на улику въ Сѣчь не привозили“ *).

Добавимъ, что и татарскія орды съ теченіемъ времени подвергались почти такому-же внутреннему процессу, какъ и Запорожье. Населеніе самого Крымскаго полуострова — продуктъ смѣшенія всевозможныхъ расъ: греческой, генуэзской, сельджукской, не говоря уже о другихъ,—представляло собою тотъ культурный элементъ татаръ, съ которымъ главнымъ образомъ велись торговля и дипломатическія сношенія съвер-

*) Андріевскій Матерьялы стр. 171.

ныхъ государствъ и казачества. Орды, кочевавшія по сѣверному берегу Чернаго и Азовскаго морей: едисанская, буджацкая, джамбуйлуцкая, едичкульская и др., извѣстныя подъ общимъ именемъ ногайскихъ татаръ, оставшіяся такими-же дикими и хищными, какъ и въ XV в., почти не признававшія ни власти хановъ, ни земельныхъ границъ, которыхъ, впрочемъ, тоже почти не было, становились главнымъ поводомъ для раздоровъ Крыма съ сосѣдями. Такимъ образомъ дипломатія послѣдняго Коша сводилась къ урегулированію мирныхъ, главнымъ образомъ, торговыхъ сношеній Сѣчи съ полуостровомъ и къ улаживанію неудовольствій, вызываемыхъ набѣгами пограничниковъ обѣихъ сторонъ другъ на друга.

О поступкахъ этихъ пограничниковъ и говоритъ большинство актовъ, относящихся къ исторіи дипломатіи послѣдняго Коша. Подъ 1743—1755 г. въ дѣлахъ Кіевскаго архива, подъ 1748—1760 г. въ дѣлахъ разныхъ архивовъ*), содержащихъ отчеты о занятіяхъ пограничныхъ комиссій, объ отправкѣ комиссаровъ съ жалобами или оправданіями, наконецъ, въ отчетахъ разныхъ лицъ, командированныхъ для какой-бы то ни было цѣли въ пограничныя мѣстности, (каковы напр. были командировки: поручика Шемаева въ Крымъ „для развѣдыванія о тамошнихъ дѣлахъ“ въ 1752 г., вахмистра Тарасова въ Буджаки 1752—1753 г., вахмистра Фатѣева въ Крымъ въ 1754 г. **),—вездѣ мы натыкаемся на одни и тѣже явленія: безпрестанные грабежи и наѣзды, угонъ скота—все явленія мелкой войны въ степяхъ не прекращаются. Большіе караваны купцовъ, сторожевыя укрѣпленія запорожцевъ пользуются сравнительной безопасностью; но отдѣльные зимовники, малочисленныя рыболовныя артели или чумацкіе караваны запорожцевъ, съ другой стороны кочевья ногайцевъ непрерывно подвергаются нападеніямъ. Типомъ комиссій, гдѣ почти безпрестанно разбирались жалобы по этому поводу, можетъ служить отчетъ комиссіи майора Никифорова, засѣдавшей въ Сѣчи въ 1749 г. по жалобамъ татаръ на запорожцевъ. Ханъ Арсланъ Гирей посылаетъ туда жалобу „о насиліяхъ и убыткахъ“, прилагая безконечный реестръ убитыхъ, ране-

*) Андріевскій Матерьялы; также Эварницкій Матеріялы для исторіи Запорожья.

**) См. Андріевскій Матер. стр. 251, 263, 300.

ныхъ и плѣнныхъ татаръ и ограбленнаго имущества, въ особен-
ности скота*) „Того-жь года, значится въ спискѣ обидъ“, изъ Че-
керли называемаго урочища „запорожскіе козаки“ семь табун-
ныхъ лошадей.... воровски угнали», „того-жь года, аула Марій-
Хаджинской.... запорожскіе казаки ...одного служителя мухаме-
данскаго закона, одного жеребца, трехъ лошадейотогнали“,
„того-жь года двухъ джамбуйлуцкихъ татаръ.... Чекели аула
....до смерти побили“. Во время разбирательства появились
новыя претензіи въ томъ же родѣ; а запорожцы выставляли
такія же обвиненія противъ татаръ. Проверка фактовъ на-
силія, происходившихъ въ глухихъ степяхъ, была немыслима:
сами татарскіе депутаты отказывались представлять какія бы
то ни было доказательства**). Запорожцы отрекались отъ всего,
что было и нетрудно, въ виду бездоказательности и очевидной
преувеличенности обвиненій. Кошевой Игнатовичъ гово-
ритъ***), что показаннаго татарами количества лошадей, 2906,
„не точію за два, но и за 500 лѣтъ угнать невозможно“, что отня-
тыхъ якобы у ногайцевъ 2979 р. денегъ „не точію у пастуха,
но и у крымскаго визиря сыскать невозможно, и какъ можно
тому вѣрить, чтобы пхніе пастухи, ходя за скотомъ, денегъ
по сту и по 200 рублей съ собой таскали“. Никифоровъ за-
кончилъ дѣло единственнымъ возможнымъ исходомъ: замѣ-
нить татарскія претензіи запорожскими, какъ и на бывшей
при Бѣлозерьѣ въ 1745 г. комиссіи учинено. „Татары, а
особливо ногайскіе“, пишетъ онъ кіевскому губернатору
Леонтьеву****) „на запорожскихъ казаковъ таковую немалую
претензію написали всемѣрно съ умыслу“. Если удовлетворить
ихъ требованія то, говоритъ онъ далѣе, „въ крайнее разо-
реніе и недостатокъ Войско Запорожское прити можетъ“. Мѣры,
предлагавшіяся для упорядоченія отношеній на гра-
ницахъ Запорожья, были отвергаемы, какъ невозможныя, напр
проектъ губернатора Леонтьева въ 1749 измѣнить весь строй
Войска, уничтожить выборъ старшинъ и т. п. (Мнѣніе гу-
бернатора Леонтьева „о томъ, какъ доброй порядокъ въ

*) Андріевскій Мат. стр. 147 и далѣе.

**) *ibid.* стр. 172.

***) *ibid.*

****) Андріевскій Матеріалы; Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. т. XVI
стр. 155 и далѣе.

Войскѣ Запорожскомъ утвердить“*). Эта мѣра показалась опасной и неудобной „по непостоянному праву и древнему обыкновенію Запорожцевъ“.

Другія мѣры, напр. попытка усилить пограничный надзоръ, также не давали большихъ результатовъ. На предложеніе содержать посты на границахъ, кошевой Данило Стефановъ даетъ отказъ, „понеже тѣ мѣста пустіе суть, и не имѣютъ дровъ, и въ зимнее время тамъ жить невозможно... и нынѣшняго лѣта изъяденіе травъ отъ саранчи послѣдовало“**). Дѣло ограничено было посылкой разъѣздныхъ командъ лѣтомъ***); съ татарской стороны „подъ разными претекстами“ не дѣлали и этого. Въ 1752 русскій резидентъ въ Константинополѣ Обрѣзковъ предлагалъ визирю, чтобы два русскихъ офицера безвыѣздно жили, одинъ въ Сѣчѣ, другой при Крымскомъ ханѣ для защиты татаръ и русскихъ подданныхъ. Визирь отвѣчалъ, что, такъ какъ безпорядки происходятъ въ степи, то пользы отъ этого не будетъ, и офицеры столько-же могутъ о нихъ знать, какъ ханъ и кіевскій губернаторъ****).

Всѣ мѣры не приводили почти ни къ чему, и мелкія схватки запорожцевъ съ ногайцами продолжались почти на глазахъ военныхъ агентовъ. Такъ запорожскій полковникъ Покотило, проживавшій въ Очаковѣ, доноситъ въ 1753 г о грабежахъ и убійствахъ, совершаемыхъ запорожскими гайдаками, переходящими черезъ р. Бугъ на Турецкую сторону. При этомъ онъ пишетъ частное письмо къ секретарю Кіевской губернской канцеляріи съ просьбой не включать его имени въ рапортахъ гетману и въ ордерахъ кошевому; иначе „чутли я и будучи при мнѣ писарь и асаулъ въ живыхъ отъ козаковъ, кои есть вори, останемся“*†). При такомъ страхѣ передъ войсковою чернью со стороны представителя сѣчевой власти всѣ мѣры противъ гайдаковъ естественно должны были существовать только на бумагѣ.

Впрочемъ, возможность удовлетворенія за обиды въ принципѣ была въ то время довольно прочно установлена, въ

*) Ibid. т. XIV Андріевскій Мат. стр. 173 и д.

**) Ibid. стр. 285.

***) Стр. 292.

****) Смирновъ Крымское Ханство; Зап. Одес. Общ. Ист. и Др. т. XV, 229.

*†) Зап. XVI, Андріевскій Мат. стр. 237.

особенности, если фактъ обиды происходилъ въ городахъ, при возможности возстановить истину посредствомъ свидѣтелей, или касался коммерческихъ сдѣлокъ между мусульманами и запорожцами, гдѣ истина могла быть подтверждаема документами. Такіе примѣры имѣемъ въ дѣлѣ козака Кости Бруховецкаго съ бахчисарайскимъ татаринномъ Османомъ за неправильно арестованный въ Крыму товаръ для взысканія уже уплоченнаго долга*). Предъявивъ въ Кошѣ росписку Осмапа, Бруховецкій поѣхалъ въ Крымъ съ письмомъ отъ кошевого и выигралъ дѣло въ судѣ. Но, можетъ быть, не довѣряя бумагамъ Запорожья, или отъ другихъ причинъ, татарскія власти потребовали отъ него письма кіевского губернатора, и изъ переписки между послѣднимъ и кошевымъ узнаемъ подробности дѣла. Подобный же фактъ разсказанъ въ письмѣ очаковскаго наши комиссара Никифорову въ 1749 г.—объ отобраніи у нѣкоего грека Янаки 250 левковъ денегъ, которыя онъ, обманувъ нашего янычара Махмудъ башіа, забралъ и скрывался на Запорожьѣ**).

Такимъ образомъ видимъ, что дипломатическія сношенія Запорожья съ Крымомъ въ періодъ 1739—1775 гг. ведутся, даже въ такихъ маловажныхъ сравнительно дѣлахъ, какъ разборъ пограничныхъ грабежей, черезъ русскаго комиссара. Только разъ въ продолженіи этого времени, въ 1768 г., можемъ подозрѣвать Запорожье въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ мусульманами; за то сношенія другаго рода за этотъ послѣдній періодъ его существованія достигаютъ крупныхъ размѣровъ. Торговля сношенія—самый главный ихъ видъ требуютъ особаго вниманія какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ для сближенія Запорожья съ татарами.

Самыя раннія свѣдѣнія о торговлѣ Запорожья восходятъ къ тому времени, какъ впервые упоминается имя запорожцевъ, т. е. къ XVI вѣку; но самый характеръ этихъ свѣдѣній заставляетъ предполагать существованіе торговыхъ сношеній въ области Запорожья и участіе въ ней тогда уже несомнѣнно существовавшихъ козацкихъ общинъ задолго до этого времени. Обитатели южнаго теченія Днѣпра, наследники пути „изъ Варягъ въ Греки“, запорожцы, если не торговали сами въ доисторическое время своей жизни, то широко пользовались

*) Зап. XIV Андр. Мат. стр. 23.

**) Зап. XVI Андр. Мат. стр. 184.

правомъ поборовъ и возможностью грабежа. Этого-то характера факты, занесенные на страницы лѣтописей, одни только и даютъ возможность сколько нибудь возстановить непрерывность торговыхъ сношеній Крыма съ Сѣверомъ черезъ территорию Запорожья.

Прямыхъ доказательствъ того, что транзитная торговля Крыма съ Сѣверомъ въ XV вѣкѣ шла черезъ Запорожье, нѣтъ; но Михалонъ Литвинъ (около 1550 г.) говоритъ о крымской торговлѣ, что для нея „нѣтъ пути болѣе обычнаго, какъ древняя, давно проложенная и хорошо извѣстная дорога, ведущая изъ черноморскаго порта—города Кафы черезъ ворота Таврики на Таванскій перевозъ на Днѣпрѣ, а оттуда степью въ Кіевъ. По этой дорогѣ отправляютъ изъ Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи и Спріи на Сѣверъ въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію и Данію всѣ восточные товары.... если-же купцы... не желая платить пошлыны, направляются по непроходимымъ степямъ въ Московію черезъ Путивль, то часто случается, что ихъ грабятъ разбойники, скитающіеся въ тѣхъ мѣстахъ“. Въ XVII вѣкѣ прямая дорога изъ Крыма на Слободскую Украину пользовалась такой-же славой. Русскій посолъ дьякъ Зотовъ, направляясь въ Крымъ для заключенія мира (въ 1689 г.), проѣзжаетъ отъ верховьевъ Самары на Перекопъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра „съ великимъ опасеніемъ“ и называетъ эти мѣста самыми причинными и воровскими, гдѣ выходятъ безпрестанно отъ Азовской степи и съ Дону калмыки, изъ Запорожья козаки и изъ Крыма и Ногай татарова *).

Сравнительная безопасность дороги по правобережью Днѣпра и указанія Михалона на давность этой дороги позволяютъ заключить, что не только торговля Польши и затѣмъ Швеціи, Даніи и пр. шла черезъ территорию Запорожья, но даже для московской торговли этотъ путь былъ выгоднѣе прямого, и значительная часть московской торговли шла именно этимъ путемъ задолго до времени Михалона. Москва же уже въ XV в. торговала съ Востокомъ въ Сурожѣ (Судакъ, Солдая генуэзцевъ) мѣхами, получая оттуда шелкъ, бумажныя ткани, пряности и другіе товары. Позднѣе при Іоаннѣ III въ Москвѣ упоминаются купцы турецкіе и крымскіе съ восточными товарами, ногайскіе съ лошадьми и пр.

*) Статейный списокъ Тяпкина и Зотова. Одесса, стр. 16—25.

Что-же касается до торговли Литвы и Польши, то она и не имѣла другаго пути. О существованіи ея свидѣтельствуютъ и акты, напр. грамота на безношлинную торговлю, выданная константинопольскому купцу королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ Сигизмундомъ въ 1526 г.*). О размѣрахъ этой торговли говоритъ Михалонъ: Между Перекопомъ и Кіевомъ велась торговля караванами по 1000 и болѣе человекъ; торговали дорогими каменьями, пряностями, винами и солью изъ Крыма. По Днѣпру на судахъ везли рыбу, мясо, мѣха, медъ и соль изъ Таврическихъ лимановъ, называемыхъ Качибеевыми, гдѣ нагрузка цѣлаго корабля стоитъ десять стрѣлъ **). Онъ же говоритъ, что въ его время на Таванской переправѣ сохранялось древнее зданіе, гдѣ нѣкогда жилъ, по словамъ литовцевъ, татаръ и грековъ, мытникъ великаго князя литовскаго, собиравшій пошлину ***). Эта пошлина собиралась во времена Михалона уже въ Кіевѣ и не вызывала, по его словамъ, ничьихъ жалобъ, ни москвичей, ни турокъ, ни татаръ; уставная грамота в. князя Александра Казиміровича городу Кіеву 1499 г. подтверждаетъ существованіе торговли съ Востокомъ, упоминая о штрафахъ, налагаемыхъ за разныя провинности на восточныхъ купцовъ, турокъ, татаръ и армянъ ****).

Михалонъ Литвинъ *†) преувеличено описываетъ богатство кіевскихъ жителей и огромные доходы ихъ, извлекаемые изъ этой торговли. Въ невзрачныхъ кіевскихъ хатахъ, говоритъ онъ, встрѣчается такое изобиліе шелковыхъ одеждъ и т. п., что шелкъ обходился дешевле льна въ Вильнѣ и перецъ дешевле соли. Судя по такимъ преувеличеннымъ описаніямъ, размѣръ и выгоды торговли были значительны для кіевлянъ; но не одни кіевляне пользовались этими выгодами. Независимыя и хищныя козацкія общины, зарождавшіяся въ это время — въ XV — XVI в. на Запорожьѣ, несомнѣнно пользовались своимъ положеніемъ владѣльцевъ единственной дороги въ Крымъ, тѣмъ болѣе что сами нуждались въ нѣкоторыхъ продуктахъ этой торговли: хлѣбѣ, соли и др.;

*) Акт. отн. къ ист. южн. и западн. Рос. т. I, стр. 68.

**) Записки Мих. Литв. стр. 49—51.

***) *ibid.* стр. 51.

****) Акты, относящ. къ исторіи западной Россіи т. I, стр. 194.

*†) Стр. 51—53.

нуждались они въ торговлѣ и для сбыта своихъ продуктовъ: скота и рыбы. Торговля этими предметами первой необходимости должна была явиться никакъ не позже XV в., судя по свидѣтельству и, главное, по тону разсказа Михалона Если-бы не мракъ, покрывающій исторію южнаго Приднѣпровья въ XIII, XIV и XV вв., и не полное отсутствіе запорожскихъ документовъ для исторіи XVI и XVII вв., мы могли-бы, вѣроятно, установить фактъ непрерывной торговли по Днѣпру между населеніемъ Южной Россіи съ одной стороны и Крымомъ и Константинополемъ съ другой со временъ Варяговъ. Теперь-же мы можемъ нарисовать сколько нибудь полную картину запорожской торговли только въ XVIII вѣкѣ; для болѣе-же ранняго времени мы должны ограничиться отрывочными указаніями лѣтописцевъ, у которыхъ притомъ встрѣчаемъ лишь факты, невыгодно характеризующіе торговлю Запорожья, какъ напр. нападенія запорожцевъ на купеческіе караваны, истребленія запорожскихъ купцовъ татарами и т. п. Нѣкоторые пункты торговыхъ договоровъ гетмановъ, какъ напр. упомянутыя уже статьи Хмѣльницкаго, Выговскаго и др., даютъ понятіе о ихъ довольно широкихъ торговыхъ планахъ, но вопросъ о соотвѣтствіи ихъ съ дѣйствительностью остается нерѣшеннымъ.

Имѣемъ нѣсколько указаній на неоднократные погромы казаками турецкихъ и крымскихъ каравановъ, шедшихъ въ Москву, и солевозовъ, ходившихъ черезъ Запорожье въ Кочубіевъ (Одессу) въ XVI в. Въ торговомъ договорѣ Хмѣльницкаго съ Турціей въ 1650 г. находимъ болшія льготы для козацкихъ купцовъ*). Въ статьѣ 18 Гадячскаго договора 1658 г. говорится о томъ же: „симъ тремъ народамъ (Польшѣ, Литвѣ и Малой Россіи) вообще стараться вольное имѣть по Черному морю плаваніе“, и о правѣ гетмана быть въ дружбѣ съ ханомъ Крымскимъ**).

Въ 1667 г. произошли событія, изъ которыхъ можно видѣть, насколько Запорожье нуждалось въ торговыхъ сношеніяхъ съ окружающими странами***). Купцы приносятъ гетману Бруховецкому извѣстія о военныхъ замыслахъ хана и ненадежности Запорожцевъ: «козаки идутъ толпами въ За-

*) Маркевичъ III, 51.

**) Бантышъ-Каменскій I, 135 и Соловьевъ XI, 39.

***) Соловьевъ XII, 2.

пороги; надобно въ Койдакъ и Кременчугъ какъ нибудь ввести ратныхъ людей, чтобъ въ Запорожьѣ хлѣба не пропусти; и когда въ Запорожьѣ будетъ козаковъ многолюдство, то ждать отъ нихъ шатости“. Эту-же мѣру для укрощенія запорожцевъ грозилъ примѣнить Выговскій и въ 1657 г., говоря царскому послу Рагозину: „Да я же не велю къ нимъ торговыхъ людей съ запасами пропускать и имъ ѣсть будетъ нечего“ *).

Сопоставимъ эти извѣстія съ отвѣтомъ Запорожской Рады подъячому Щеголеву въ 1672 г. **): „Служили и мы съ татарами послѣ измѣны Бруховецкаго и во время Суховѣева гетманства; Крымскій ханъ со всего Крыма запасы сбиралъ и къ намъ на Кошъ присылалъ, да и теперь, еслибъ хотѣли, будетъ присылать». Видимъ, что даже въ самыя смутныя эпохи исторіи Малороссіи и Запорожья, въ концѣ XVII вѣка, когда первая становится постоянной ареной столкновений войскъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ и враждующихъ козацкихъ партій, торговыя сношенія Юга съ Сѣверомъ черезъ предѣлы Запорожья не прекращаются, потому что самое Запорожье не могло безъ нихъ существовать.

По миру съ Турціей въ 1679 г. объявляется свободною торговля съ обѣихъ сторонъ и промыслы запорожцевъ въ лиманахъ Чернаго моря ***).

Въ слѣдующемъ же году моровое повѣтріе, опустошавшее Кизикермень, «учиняетъ значную škodu и въ Сѣчи Запорожской», будучи туда занесено безъ всякаго сомнѣнія купцами ****).

Въ 1682 г. „посиланъ отъ хана крымскаго на Москву Вельша-бей для учиненія миру и жеби російскимъ и крымскимъ людямъ зъ промыслами своими купеческими въ Русь и Крымъ приѣздити и торговати“ *†).

Подъ 1685 г. мы встрѣчаемъ одновременно извѣстія о торговлѣ, промыслахъ и пограничныхъ схваткахъ *††): „того-жъ лѣта, бо було сухое, въ Бердахъ и Молочнихъ вельми соль уродилась надъ прошліе лѣта; а поневажъ съ Крымомъ былъ

*) Соловьевъ XI, 15.

**) Соловьевъ XII, 127.

***) Соловьевъ XIV, 333.

****) Величко II, 500.

*†) Ibid. 523.

*††) Ibid. 552.

миръ, теди примногіе з Украини табори по оную ходили, и забрати еи не змогли.... Того-жь року.. Велѣй-бей Кизикерменскій.... писалъ до Сѣчп...., же козаки запорожскіе.... непрестанне кримцамъ дѣють шкоди, займаючи въ степахъ конѣ по десятку и по пятьдесятъ, и иніе дѣючи имъ кривди.... и просилъ бей.... отамана кошового.... жеби асаула войскового послано.... всѣхъ козаковъ з низу Днѣпра зогнати до Сѣчп.... Лечь.... отвѣтъ такий учинено: аби они сами стереглись, своеволцовъ ловили и якъ хотѣли з ними поступали.... не причная была бы то рѣчь, для гультаевъ и своеволцовъ, доброе товариство войское зогнанемъ з низу Днѣпра, зъ ихъ вѣтокъ и добычей, карати и оскорбляти“. Изъ этихъ двухъ извѣстій, помѣщенныхъ подъ однимъ годомъ, видимъ какъ нельзя лучше, что безпрестанная мелкая война въ степяхъ между сѣверными ногайскими ордами и шайками запорожскихъ гайдамаковъ могла существовать рядомъ съ мирными торговыми сношеніями, обуславливая только вооруженный видъ послѣднихъ, которыя производились караванами по 100 человекъ въ XVII вѣкѣ и по 1000 и болѣе въ XVI вѣкѣ, какъ говорятъ современники, Бопланъ и Михаловъ Литвинъ.

Въ 1693 и 1701 г.г. встрѣчаемъ факты, характеризующіе отношеніе Войска къ транзитной торговлѣ, шедшей черезъ Запорожье. Въ 1693 г. Мазепа доноситъ въ Москву о жалобѣ греческихъ купцовъ, ограбленныхъ запорожцами, и объ отказѣ кошевого выдать ограбленное имущество, за невозможностью якобы сыскать его *).

Въ 1701 г. запорожцы опять грабятъ греческихъ купцовъ и, пользуясь въ это время бóльшей степенью независимости, чѣмъ когда-бы то нибыло, не исполняютъ требованій Мазепы о возвратѣ добычи **). Тогда запорожецъ Герасимъ Крыса съ товарищами, посланный въ Москву за жалованьемъ, былъ схваченъ. На допросѣ козаки отвѣчали: „пограбили мы ихъ (купцовъ) за то, что они Сѣчь нашу миновали, ставя Войско запорожеское ни во что, а прежніе купцы мимо насъ никуда не проѣзжали и нанимали насъ въ проводники; „такъ.... по нашему обыкновенію.... мы ихъ и пограбили“. Запорожцы возвратили награбленное, когда имъ пригрозили

*) Велѣчко III, 165.

**) Соловьевъ XIV, 376.

казню ихъ депутатовъ и когда, по донесенію Мазепы, изъ Крыма къ нимъ пришли недобрыя вѣсти: ханъ отказался дать помощь противъ Москвы, ссылаясь на мирные договоры.

О важной торговой роли Запорожья въ началѣ XVIII в. свидѣлствуютъ упомянутыя выше статьи гетмана Скоропадскаго, поданныя Петру I 17 іюля 1708 г., сейчасъ же послѣ измѣны запорожцевъ: § 9. „Запоржцы . . . утратили Сѣчь, однакъ понеже весь народъ Малороссійскій оттоль рибамн и солью питался, и на всякомъ звѣру имѣлъ добычъ . . . аби и теперъ . . . вольный туди з Украины былъ путь“ *). Очевидно потребность въ торговлѣ съ Запорожьемъ продуктами лимановъ и озеръ Крыма была настолько сильна, что заглушила чувство опасности быть заподозрѣннымъ въ измѣнѣ изъ за такого ходатайства въ самый разгаръ преслѣдованія запорожцевъ, которое было очень строгимъ и продолжительнымъ. Эта просьба была отклонена правительствомъ, но все заставляетъ думать, что торговля сношенія малороссіянъ съ Запорожьевымъ, а черезъ него и съ Крымомъ, все таки продолжались **). Въ 1716 г. почти всѣ полковники малороссійскіе отказались подписаться подъ письмомъ Петра Перваго къ гетману Скороподскому, гдѣ было требованіе: Смотрѣть за своевольными козаками, которые ходятъ на полевые рѣчки за добычею и сообщаются съ запорожцами. Полковники отвѣчали, что нѣтъ никакой возможности удержать козаковъ отъ ухода въ степи ***). Въ 1724 г. Полуботокъ обвинялся въ сношеніяхъ съ запорожцами ****). Изъ исторіи пребыванія запорожцевъ въ Крыму уже знаемъ, что озерная соль выдавалась Войску даромъ, пока вмѣстѣ съ запорожцами не стали являться на озера и малороссіане *†).

Кромѣ того отрывочныхъ свѣдѣній значительнымъ аргументомъ въ пользу непрерывности торговыхъ сношеній Запорожья съ южными и сѣверными сосѣдами служить картина богатой и разнообразной торговли послѣдняго Коша въ 1735—1775 г.г.; торговля эта не могла развиться вдругъ,

*) Маркевичъ IV, 309.

**) См. далѣе.

***). Соловьевъ. XVI 381.

****) *ibid.* XVIII, 234.

*†) Скальковскій II, 33.

безъ предварительной подготовки втеченіе предшествовавшихъ вѣковъ.

Торговля Запорожья съ Крымомъ заключалась, какъ уже сказано, во первыхъ, въ большихъ торговыхъ оборотахъ самаго Запорожья, во вторыхъ въ транзитной торговлѣ всего Сѣвера и Сѣверо-Запада съ татарами, для которой самой безопасной дорогой былъ путь на Сѣчь и оттуда на Никитинскій (или, какъ было въ XVII в., Таганскій) перевозъ въ низовьяхъ Днѣпра. Караваны изъ юго-западныхъ польскихихъ воеводствъ иногда не заходили въ Сѣчь, но тѣмъ не менѣе слѣдовали по территоріи Запорожья отъ верховьевъ Буга на тотъ же Никитинскій перевозъ, мѣсто отправления всѣхъ каравановъ къ „Перекопской баштѣ“. Другая большая торговая дорога шла изъ Сѣчи въ Очаковъ по Днѣпру. По этимъ дорогамъ шли всѣ обмѣниваемые Крымомъ и Сѣверомъ продукты, увеличивая богатство Войска пошлинами, какъ напр. „мостовымъ“, т. е. сборомъ съ каждаго воза за проездъ по мосту, или паромомъ, подарками сѣчевой и паланочной старшинѣ за конвой и проводниковъ и пр. Самое прокормленіе массы людей и скота, двигавшейся между одними и тѣми-же пунктами, должно было не мало обогащать Войско. „Ватагъ такое множество, что даже припасы въ Сѣчи и Никитинѣмъ вздорожали“, пишетъ Кошъ къ своимъ депутатамъ въ Петербургъ *).

Главными предметами торговли, предметами, вызвавшими обмѣнъ, были: хлѣбъ изъ Малороссіи, соль изъ Крыма и рыба изъ степныхъ рѣчекъ и черноморскихъ лимановъ. Что Запорожье не имѣло своего хлѣба, объ этомъ приходилось уже упомянуть. Бопланъ въ XVII вѣкѣ называетъ охоту и рыбную ловлю главнымъ занятіемъ козаковъ **). Выговскій и Бруховецкій (XVII в.), какъ мы видѣли, стараются обуздать Сѣчь, не пропуская въ нее хлѣба. Въ статьяхъ Мазепы запорожцамъ обезпечивается вмѣстѣ съ прочимъ жалованьемъ выдача хлѣба, „какъ и при прежнихъ гетманахъ бывало“ ***); а въ 1693 году запорожцы жалуются, что мука присылается къ нимъ ****) въ дегтевыхъ и смоляныхъ бочкахъ и Перево-

*) Скальковскій I, 224 и Эварницкій Ист. Зап. Коз. I, 497.

**) Бопланъ, 10.

***) Величко III, 38.

****) *ibid.* 176.

лочанскій гетманскій дозорца обложилъ пошлиной съѣстные припасы, чего при прежнихъ гетманахъ не бывало.

Что земледѣліе, какъ занятіе, требовавшее значительной безопасности края отъ наѣздовъ, было слабо развито на Запорожьи, по крайней мѣрѣ до самой послѣдней эпохи его существованія, видно изъ челобитной кошевого Лантуха въ 1755 г. „Войско Низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ“ *). Но въ сѣверномъ хлѣбѣ нуждались, по словамъ Боплана**), и Константинополь и Крымъ; по его-же свидѣтельству***), въ Крыму сѣяли только ячмень, просо и гречиху. Водка, привозимая по его словамъ изъ Турціи, употреблялась татарами; изъ торговыхъ документовъ Коша въ XVIII в. видимъ, что Крымъ получалъ въ это время и хлѣбъ и водку съ сѣвера черезъ Запорожье. „Ватаги... по-немногу уже идутъ и везутъ хлѣбъ и водку“, пишетъ Кошъ къ депутатамъ ****). Другими предметами отпуска изъ Запорожья были мѣха, коровье масло, полотно, кожи, табакъ и русскія мануфактуры; лошади запорожской породы также цѣнились въ Крыму. Болѣе подробныя свѣдѣнія о товарахъ, привозимыхъ запорожцами съ сѣвера, находятся въ указѣ Сената въ 1760 году, „О беспошлинномъ ввозѣ товаровъ на Запорожье и вывозѣ оттуда“ *†), гдѣ поименованы почти всѣ продукты, которыми Запорожье могло пользоваться бесплатно для собственнаго употребленія, а также и тѣ, за которые оно должно было платить пошлины въ Переволочнѣ, Кременчугѣ и др., если эти продукты предназначались для отпуска въ Крымъ. Предметами ввоза были смушки, фрукты, пряности, прованское масло, сафьянъ, ткани, сбруя, оружіе и вообще предметы восточной мануфактуры; иногда ослы, верблюды,— для удовлетворенія прихотей вельможъ. Такъ, въ 1760 году изъ Коша посылали въ Крымъ Григорія Швидкого за бѣлыми верблюдами для гр. Разумовскаго *††). Вывозъ различныхъ продуктовъ и съ крымской стороны былъ обставленъ

*) Скальковскій I, 226 и Эварницкій И. З. К. I, 466.

**) Стр. 6.

***) Стр. 46.

****) Скальковскій I, 273.

*†) Андріевскій Матерьялы XVI, 257 и д.

*††) Скальковскій I, 278.

различными формальностями; напр., высоко-цѣнными запорожцами смушки, важный предмет торговли татаръ, были предметомъ особаго вниманія въ Перекопской таможенѣ, а вывозъ на Запорожье живыхъ овецъ для разведенія былъ строго воспрещенъ *).

Но самымъ главнымъ нервомъ запорожской торговли была соль. Мы не разъ уже упоминали о соляной торговлѣ въ исторіи сношеній Запорожья съ Крымомъ. „Главный недостатокъ Украйны — въ соли“, говоритъ даже такой поверхностный наблюдатель, какъ Бопланъ **). Упоминаніе объ этой торговлѣ мы видѣли и въ XVI вѣкѣ (Михалонъ Липтинъ). Что же до документовъ, говорящихъ о торговыхъ сношеніяхъ XVIII вѣка, то они переполнены указаніями на торговлю солью и на старанія урегулировать ее, какъ главный источникъ доходовъ и Крыма и Запорожья.

Каждую весну кошевой получалъ отъ ханскихъ приставовъ увѣдомленіе о количествѣ выволоченной соли и просьбу о пропускѣ чумаковъ. „Достойно почтенному господину... Войска Запорожскаго Кошовому... поклонъ отдавъ... спрашиваю о здоровьи... и доношу... что... сего года... соль... сѣла хорошо. Да при томъ воды и травъ у насъ въ Крыму, также какъ и на пути, вездѣ изобильно... причемъ, посылая вамъ гостинецъ одинъ сафьянъ, прошу принять... да прислать намъ возовъ два для васъ, одолжаюсь самой лучшей соли на вашъ расходъ накласть... причемъ прошу въ незамедленіи чумаковъ присылать за солью“ ***).

Въ перепискѣ Коша постоянно встрѣчаемъ старанія способствовать развитію этой отрасли торговли, уменьшить пошлину, взимаемую ханомъ съ соли въ „Перекопской баштѣ“ (70 коп. съ воза); запорожцы устраиваютъ мосты на своей и даже татарской территоріи для сбора „мостового“, главнымъ образомъ съ солевозовъ. Эти мосты существовали въ ногайскихъ степяхъ за Днѣпромъ на рр. Бѣлозеркѣ, Рогачикѣ и

*) Скальковскій I, 227.

**) Стр. 94.

***) Скальковскій I, 974, изъ письма пристава Тузлы (озера) Перекопской Баба-Имана къ кошовому Филиппу Федорову 25 іюня 1764 г. Въ письмѣ другаго пристава Юсуфъ-Имана находимъ обозначеніе цѣны на соль, 5 р. за цѣлый возъ и 3 за половинный, запряженные четырьмя или двумя волами.

др. съ запорожескими командами „ради безпрепятственного и нетрудного проѣзда купцамъ и войска Запорожскаго козакамъ, промышляющимъ солью и другимъ товаромъ *)“.

Соляная торговля возбуждала также непрестанные споры и даже схватки между козаками съ одной стороны и турками и татарами съ другой по поводу земель Прогнойнской паланки и ея владѣнія Кинбурнской косой; на этой косѣ также находились соляныя озера. Малороссіяне и запорожцы, бравшіе тамъ соль, не платили, конечно, ничего за нее перекопскому каймакану; татары же настаивали на запрещеніи этихъ промысловъ и нападали на казаковъ. По поводу двухъ казаковъ, казненныхъ тамъ въ 1753 г., имѣемъ переписку между кievскимъ комендантомъ, очаковскимъ пашою и кошевымъ Павломъ Ивановымъ **). Послѣдній, на запросъ кievской канцеляріи «какимъ образомъ Прогнойскія озера Войску запорожскому достались?» отвѣчаетъ, что эти озера и рыбныя промыслы въ лиманахъ „словесно“ были уступлены турками во время размежеванія въ 1740 г., „за то, чтобъ Оттоманской порты людямъ свободно и безпрепятственно было въ устѣ речки Громоклей лѣсу рубать, ибо она речка Громоклей вся подлежить быть въ Россійской границѣ»... Схватки на озерахъ продолжались, какъ и вездѣ; впрочемъ, незначительное количество и плохое количество соли сѣвернаго побережья Чернаго моря, въ особенности при примитивномъ способѣ ея добыванія, заставляло главную массу чумаковъ идти все таки на полуостровъ ***).

Какъ на признакъ громаднаго значенія для Запорожья торговли солью, можно указать на свѣдѣнія о торговомъ затишьи въ Сѣчи послѣ установленія солянаго и виннаго откупа въ Россіи. Эти свѣдѣнія находятся въ письмѣ кошевого Григорія Лантуха къ депутатамъ, хлопотавшимъ въ Петербургѣ объ отмѣнѣ на сѣверной границѣ Запорожья пошлинъ на соль, установленныхъ въ размѣрѣ 8 и 10 руб. съ воза соли, который въ Сѣчи стоилъ 7 руб. ****).

*) Письмо Коша въ 1764 г. къ хану Крымъ-Гирею, Скальковскій I, 276.

**) Андріевскій Матерьялы XVI, 234.

***) Скальковскій I, 60.

****) Скальковскій II, 197.

Соляная торговля, какъ крупный источникъ доходовъ хана, была также важнымъ оружіемъ въ рукахъ Запорожья: въ случаѣ недовольства мѣропріятіями хана Сѣчь лишаетъ его доходовъ, задерживая солевозовъ.

Неудовольствія эти возникали главнымъ образомъ по поводу морской торговли Запорожья. Торговля эта велась подъ турецкимъ флагомъ. Корабли доходили до самой Сѣчи. Въ 1746 г. на р. Подпольной стоятъ 7 греческихъ судовъ и одно турецкое*). Самъ запорожцы ходили въ Очаковъ по Днѣпру съ товарами, по свидѣтельству французскаго консула Пейсонеля, бывшаго въ Крыму въ 1760 г. „Les Cosaques de l'Oúkraine et les Zaporoviens“, пишетъ онъ, „Viennent à Oczacow, portant la mantegue, du tabac, des cordages, du chanvre, des toiles de Russie, du bois à brûler, de pierres à aiguiser, du charbon, des poissons secs et la colle des poissons; et ils en retirent: des vins Grecs et d'Ackerman, du sel, des fruits secs, de l'huile, du savon, des maroquins, des selles etc“ **).

Но для Крыма важно было стать такимъ-же исключительнымъ торговымъ посредникомъ между Запорожьемъ и Черноморьемъ, какимъ было Запорожье между Крымомъ и Сѣверомъ; поэтому не всегда турецкія суда могли проходить Днѣпромъ до самой Сѣчи. Для увеличенія доходовъ своей таможни въ Козловѣ (Евпаторіи) ханъ приказывалъ выгружать тамъ всѣ товары съ турецкихъ кораблей и везти ихъ сухимъ путемъ на Перекопъ, а запорожцевъ не пропускать далѣе Очакова. Поэтому по поводу мы имѣемъ любопытную переписку Коша съ Крымъ-Гиреемъ.

Въ 1762 г., въ отвѣтъ на письмо кошевого съ жалобою на задержку запорожцевъ, шедшихъ изъ Очакова въ Константинополь, Крымъ-Гирей пишетъ: „....вы объясняете, что, хотя на основаніи 9 пункта трактата ... запорожскимъ купцамъ ... дозволяется ... безпрепятственный входъ и выходъ во всѣхъ гаваняхъ Оттоманской имперіи, лежащихъ на Бѣломъ (Архипелагѣ) и Черномъ моряхъ, еще въ недавнемъ времени запорожскіе купцы, отправлявшіеся на судахъ въ Константинополь, были тамъ (въ Очаковѣ) задержаны. Намъ извѣстно, что запорожскимъ и русскимъ

*) Скальковскій I, 265.

**) Скальковскій I, 269.

купцамъ при отправленіи на ихъ собственныхъ лодкахъ товаровъ въ пристани Чернаго и Бѣлаго морей, никакихъ препятствій не дѣлается; но съ давнихъ поръ наблюдалось, чтобы товары нашихъ и Блистательной Порты подданныхъ, отправляемые изъ портовъ Чернаго и Бѣлаго морей выгружались изъ судовъ въ Очаковѣ и, по перегрузкѣ тамъ на очаковскія лодки, отвозились на нихъ. . . . въ Россію; а покупаемые тамъ товары привозились бы сухимъ путемъ черезъ Перекопъ въ Козловъ; гдѣ, по уплатѣ Козловскому таможенному начальнику пошлины, нагружались на корабли. . . . Съ нѣкоторыхъ поръ купцы, ѣздящіе. . . . въ Россію и Запорожье, покупаемые въ тѣхъ мѣстахъ товары нагружаютъ на лодки и подъ именемъ русскихъ провозятъ мимо Очакова, такъ что Перекопская крѣпость и Козловскій портъ оставлены и доходы ханскіе. . . . уменьшились. Для отвращенія сего мы распорядились, чтобы всѣ суда съ товарами. . . . изъ Чернаго и Бѣлаго морей. . . . перегружали-бы товары. . . . на очаковскія лодки и на нихъ перевозили въ Запорожье и Россію, а купленные тамъ товары, перевоза черезъ Перекопъ, направлялись-бы, какъ то дѣлалось прежде, въ одинъ изъ внутреннихъ портовъ Крыма . . . Повелѣніе наше. . . . относится только къ подданнымъ Блистательной Порты и нашимъ, не распространяя этого на русскихъ и запорожскихъ купцовъ, отправляющихся на собственныхъ своихъ лодкахъ въ Бѣлое море, но часто случаются обманы, приносящіе ущербъ нашимъ доходамъ. Одинъ изъ вашихъ купцовъ, именуемый Нединъ, объявилъ, что онъ отправляется на своей лодкѣ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что лодка эта принадлежитъ Хіосскому жителю Абдуль-Керпмъ Бею. . . .“ *).

Кошевой Григорій Федоровъ отвѣчалъ на это **), что такой мѣрою „зъ знатною обидою Россійскимъ купцамъ и обосторонней коммерціи остановка здѣлана“ и грозилъ, что „ежели. . . судна въ Очаковъ по-прежнему пропускаемы не будутъ, то дабы здѣшніе купцы, козаки, чумаки и ватаги въ Крымъ ни съ чѣмъ и ни зачѣмъ ходъ свой оставили и соли не брали . . . равномѣрнымъ образомъ въ Кошѣ учинено быть имѣетъ“. Стѣсненіе для запорожской торговли могло происходить, какъ отъ того, что очаковскій паша могъ не пропускать

*) Скальковскій Ист. Нов. Сѣчи. Од. 1841 г. Прилож. 10, стр. 396.

**) Скальковскій I, 267.

не только турецких и греческих купцов, в силу явного ханского приказа, но и купцов запорожских; с другой стороны, флот запорожцев, приспособленный для набегов и рыболовства по Днепру, степным речкам и лиманам, не был достаточно для поддержания большой морской торговли и торговля с Архипелагом велась исключительно на греческих и турецких кораблях. Благодаря таможенной войне Коша, усилиям русского агента в Крыму Никифорова и смельчак воиновенного Крым-Гирея, эта мера была отменена в 1765 г.

Другое столкновение того-же характера возникло по поводу перевоза через Днепр, — главного дохода Войска. В 1743 г. запорожцы жаловались в Петербург, что татары устроили перевоз в Кизикермен, якобы против условий мирного договора и в подрыв их Никитинскому перевозу. Они добавляли, что первый перевоз послужит поводом к раздорам, так как „запорожские своевольцы . . по легкомыслию своему, признавъ себя за обиду, что, минуя их запорожский перевоз, . . на Кизикерменской станут ѣздить . . . грабежи и воровства чинить будут“ *). В ответной грамоте Императрицы им было отказано во внимательстве, указаны права крымцев на Кизикермен и дан совет бороться с ними путем конкуренции и удешевления платы за проезд, так как купцы жаловались на „великия взятки“ на их перевоз.

К свѣдѣніямъ о запорожской торговлѣ отнесся и указаніе п. 10 наказа депутатамъ 1768 г. **), гдѣ говорится о торговлѣ въ самой Сѣчѣ, въ предмѣстьѣ Гассанъ-Баша: „къ запорожскимъ козакамъ татары, пріѣзжая въ Сѣчь, привозятъ епанчи, сѣдла, стрѣлы, луки, стремя, сабли, удила . . . и покупаютъ себя для пищи старыя . . къ ѣздѣ неспособныя лошади и рогатую такую-же скотину“. Въ дѣлахъ Сѣчеваго архива есть указанія ***), что иностранные торговцы имѣли на этомъ базарѣ, на Гассанъ-Башѣ, недвижимую собственность.

Роль посредника въ торговлѣ Юга и Сѣвера была чрезвычайно выгодна для Войска; запорожцы считались, да и были по тому времени богачами, въ особенности лица изъ

*) Андріевскій XIV, 14—20.

**) Скальковскій I, 295.

***) Скальковскій I, 296.

завязывавшейся въ то время сѣчевой аристократіи, партіи старшины и владѣльцевъ зимовниковъ „гнѣздюковъ“. Если вѣрить донесенію русскаго агента въ Крыму Никифорова, то каждое лѣто черезъ руки запорожцевъ уходило къ татарамъ болѣе 60,000 руб. серебряною и золотою монетою, — огромная сумма по тому времени. По принципамъ политической экономіи XVIII вѣка это считалось прямымъ убыткомъ для Россіи, и въ 1764 г. жалованье Войску стали выдавать мѣдными деньгами, а привозъ золотой и серебряной монеты на Запорожье былъ запрещенъ. Указъ 1764 г. отчасти понизилъ торговые обороты Сѣчи, отчасти же вызвалъ сильную контрабанду деньгами на Украинской линіи.

О способахъ, какими пользовались запорожцы для торговыхъ сношеній съ Крымомъ, можемъ составить себѣ довольно точное представленіе. Торговля морская производилась на корабляхъ, большею частью греческихъ, доходившихъ до самой Сѣчи, и на лодкахъ, запорожскихъ или татарскихъ, ходившихъ между Сѣчью и Очаковомъ. Торговля сухопутная производилась чумацкими валками (караванами), направлявшимися черезъ территорію Запорожья на Никитинскій перевозъ и оттуда на Перекопъ. Ногайскіе кочевники представляли нѣкоторую помѣху для такого рода сообщеній; но громадное количество чумаковъ, собиравшихся на перевозѣ, ихъ вооруженіе, разбросанность ногайцевъ, — все это доводило опасность до minimum'a. Постепенное развитіе торговли и ослабленіе хищническаго духа ногайцевъ видны изъ сопоставленія описаній торговыхъ каравановъ XVI и XVII вв. и нѣкоторыхъ актовъ XVIII в. Михалонъ Литвинъ описываетъ торговые караваны, двигавшіеся отъ Таванскаго перевоза къ Кіеву въ количествѣ 1000 человѣкъ. Описаніе способа перехода черезъ степи въ XVII в. у Боплана должно изображать не что иное, какъ торговый караванъ запорожцевъ; не на военный же набѣгъ, или рекогносцировку могли они отправляться въ числѣ 100 человѣкъ, обремененные при этомъ десятками возовъ? По словамъ Боплана, такіе переходы почти всегда оканчивались благополучно. Опасности же для торговцевъ въ половинѣ XVIII в. сводились, какъ видно изъ массы актовъ, къ кражѣ скота ночью, притѣсненіямъ со стороны татарскихъ и турецкихъ чиновниковъ, иногда случайнымъ ссорамъ въ пограничныхъ мѣстечкахъ, оканчивавшимся вооруженной схваткой, по обычаю того времени.

Объ опасностяхъ же въ самихъ степяхъ можемъ судить изъ дѣлъ объ убійствахъ и грабежахъ, гдѣ видно, что запорожцы въ это время рискуютъ переходить степи, будучи въ самомъ небольшомъ числѣ. Такъ въ 1749 г. атаманъ Крыловскаго куреня заявляетъ объ убійствѣ двухъ его казаковъ, шедшихъ съ Калміуса съ 2-мя возами рыбы *); изъ жалобъ на ограбленіе татарами казаковъ Тачая и Чернявскаго видно, что они пустились въ путь отъ Никитина въ Крымъ по одинокѣ **). Самыя нападенія, какъ видно изъ многихъ дѣлъ, сравнительно рѣдко оканчивались убійствами, или даже взятіемъ въ плѣнъ ограбленныхъ казаковъ, ибо торговля невольниками въ это время, хотя можетъ быть и не очень энергично, уже преслѣдовалась даже татарами. Такъ въ 1749 г. казакъ Шульга, взятый въ плѣнъ калмыками, при попыткѣ провезти его въ закрытой арбѣ черезъ Перекопъ въ Крымъ, былъ освобожденъ янычарами, представленъ каймакану и отпущенъ въ Сѣчь ***). Впрочемъ, такая справедливость оказывалась съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно рѣдко; гораздо чаще и козацкія и татарскія власти наблюдали выгоды своихъ соотечественниковъ, или свои собственные. Въ 1750 г. въ Березанѣ очаковскій турокъ „за небытностію въ куренѣ людей“ похитилъ разное имущество; паша его „отъ турчина отобралъ и обиженному не возвратилъ“ ****). Въ 1749 г. козаки Ирклевскаго куреня также бесполезно хлопотали о розыскѣ ихъ товарища, отправленнаго ими съ Кинбурнской косы въ Сѣчь за припасами на шедшемъ туда турецкомъ суднѣ. Несмотря на представленныхъ свидѣтелей, могущихъ удостовѣрить личность судохозяина, очаковскій паша не розыскалъ козака *†). Въ слѣдующемъ году „Гезикъ Оглу-Мегметъ Баша, житель очаковскій двухъ козаковъ сѣчевыхъ записавши и напоивши довольно . . . виномъ и горѣлкою . . . продалъ пашѣ тѣхъ козаковъ за 60 талерей“ *††).

Такими фактами, указывающими на опасности, которымъ подвергались козацкіе торговцы въ Крыму и Очаковѣ, пере-

*) Андріевскій Матерьялы XIV, 215.

**) Ibid. 217 и 219.

***) Андріевскій Матерьялы XVI, 217.

****) Ibid.

*†) Ibid. 214.

*††) Ibid. 216.

полнены всѣ архивы пограничныхъ комиссій, но самое появленіе такихъ дѣлъ, какъ тяжбы о кражѣ имущества, тайномъ похищеніи и продажѣ на „каторги“ и т. п., показываетъ, насколько все-таки въ половинѣ XVIII в. пзмѣнились въ принципѣ пограничныя отношенія. Плѣнныхъ часто не находятъ, но увозить и продавать ихъ, даже въ самомъ Крыму, надо было уже тайкомъ отъ русскаго резидента и иногда даже отъ татарскихъ властей; въ XVII в., даже въ началѣ XVIII в. за ними надо было бы посылать съ выкупомъ.

Большую быть можетъ опасность для торговыхъ каравановъ представлялъ путь по запорожскимъ землямъ, гдѣ торговцы рисковали встрѣтиться съ шайками запорожскихъ гайдамакъ, лучше вооруженныхъ, поддерживаемыхъ всѣми недовольными элементами Запорожья и потому болѣе опасныхъ, чѣмъ ногайцы, въ особенности для иностранныхъ торговцевъ. Такъ въ 1750 г. въ Ягодной долинѣ были убиты и ограблены гайдамаками семеро татаръ, причемъ имущество ихъ попутчиковъ запорожцевъ, расположившихся на ночлегъ рядомъ съ ними, осталось нетронутымъ, что навлекло на нихъ подозрѣніе въ соучастіи *). Впрочемъ, понятіе о безопасности большихъ дорогъ въ XVIII в. во всей Европѣ, и въ Россіи тоже, не было настолько высоко, чтобы современники особенно возмущались запорожскими порядками; „Pamiętniki Starego Szlachcica Litewskiego“, 1768 г., описываютъ способъ путешествія по Запорожью: за небольшой подарокъ „ралець“ сѣчевой или паланочной старшинѣ путешественники получали правожатаго козака съ „перначемъ“ **, чего обыкновенно было достаточно для безопасности отъ запорожскихъ гайдамакъ, которые притомъ предпочитали дѣйствовать за предѣлами Запорожья въ польскихъ и другихъ областяхъ ***). О. Китовичъ въ „Описаніи обычаевъ Польши“ восхваляетъ порядокъ и благоустройство въ самой Сѣчи ****).

Кромѣ общихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ Запорожье было связано съ Крымомъ еще однимъ условіемъ; главный промыселъ козаковъ — рыболовство производилось

*) Андріевскій Матерьялы XIV, 427.

**) Скальковскій I, 283--285.

***) Ibid.

****) Ibid.

ими въ черноморскихъ и азовскихъ лиманахъ и степныхъ рѣчкахъ, берега которыхъ служили мѣстомъ кочевья ордъ. Раіонъ этихъ промысловъ съ теченіемъ времени все болѣе расширялся; въ XVI в. о нихъ говоритъ грамота Сигизмунда I маршалку князю Андрею Коширскому „о воспрещеніи козакамъ, отправляющимся въ южное Приднѣпровье на промыслы, дѣлать набѣги на татарскіе улусы“ *); объ этой грамотѣ мы, впрочемъ, говорили выше. Въ началѣ XVII в. мы видѣли козаковъ, промысляющихъ въ Азавскомъ морѣ; по крайней мѣрѣ такъ говорятъ сами козаки, обвиняемые польскими властями въ сношеніяхъ съ ханомъ, въ комиссіи на Медвѣжьихъ Лозахъ въ 1625 г.: что же касается до сношеній съ Крымомъ, то волна прибила къ берегу Крымскому товарищей ихъ, шедшихъ съ Дону для добычи; этихъ голодныхъ людей Шагинъ-Гирей взялъ къ себѣ на службу и потомъ прислалъ къ намъ...“ **).

Бопланъ говоритъ о невѣроятномъ обиліи рыбы въ лиманахъ Тиллгульскомъ и Куяльницкомъ: „ватаги рыбаковъ пріѣзжаютъ на сіи два озера болѣе, чѣмъ изъ-за 50 миль“ ***). Принимая во вниманіе источники Боплана — рассказы жителей Малороссіи, рыбаковъ этихъ можно считать козаками. Отъ второй половины XVII в. имѣемъ нѣсколько договоровъ Москвы съ Крымомъ и Турціей, гдѣ московское правительство обезпечиваетъ для козаковъ свободу рыболовства въ южныхъ лиманахъ. По Бахчисарайскому миру 1681 г. „Крымскимъ и Очаковскимъ и Бѣлогородцкимъ татарамъ нашимъ по обѣ стороны Днѣпра на степяхъ около рѣчекъ кочевать и для конскихъ кормовъ и звѣринныхъ промысловъ ѣздить и стада и товары пасти вольно. Также и Вашего Царскаго Величества Низовымъ и Городовымъ Войска Запорожскаго козакамъ . . . рѣкою Днѣпромъ и во всѣхъ степныхъ рѣчкахъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра плавать, для рыбныхъ ловли и для бранья соли и для звѣринаго промысла, по степямъ ѣздить даже до устья Чернаго моря вольно-жъ . . .“ ****).

*) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Изданіе Археогр. Комиссіи т. I, 109.

**) Соловьевъ X, 98.

***) Бопланъ, стр. 33.

****) Соловьевъ XIV, 333.

Въ XVIII вѣкѣ промыслы запорожцевъ существовали по всему побережью Чернаго моря, въ Днѣпровскомъ, Бугскомъ и др. лиманахъ, въ Азовскомъ морѣ на Бердянскоѣ, Бѣлосарайскоѣ и Калміусскоѣ косахъ и, какъ мы видѣли изъ дѣла Калміусскаго полковника Каменскаго, на Ейскомъ лиманѣ и Кубанскихъ косахъ. Ни вражда съ донцами и кубанскими татарами, ни приказъ отъ русскаго правительства 1767 г. разорить эти промыслы, какъ служившіе поводомъ къ неудовольствіямъ *), не прекратили существованія этихъ промысловъ.

Однаково хищные ногайцы и запорожцы не всегда уживались мирно на берегахъ рѣчекъ и лимановъ и дѣйствія ихъ давали обильный матеріалъ для пограничныхъ комиссій. Нѣкоторое подобіе регулированія взаимныхъ отношеній можно видѣть изъ извѣстія въ журналѣ переводчика Федора Семёнова, посланнаго изъ Кіева въ 1753 г. черезъ Бендеры въ Очаковъ: „да слѣдующи онъ переводчикъ чрезъ Ачаковскую степь в урочище зовомомъ Перевоска, гдѣ нынѣ находятца запорожскіе рыбные ловли, а зимою кочуютъ татары (которое урочище состоитъ по мирному трактату въ турецкой области), видѣлъ саранчу и т. д.“ **); можетъ быть, по взаимному соглашенію, или по рѣшенію правительствъ запорожцы и татары избѣгали встрѣчаться на берегахъ рѣкъ, но отсутствіе всякаго надзора въ степяхъ давало полный просторъ хищникамъ съ обѣихъ сторонъ, о чемъ свидѣтельствуется масса жалобъ на грабежи, насилія и убійства въ прибрежныхъ степяхъ Чернаго и Азовскаго морей. Но населеніе самого полуострова, какъ мы видѣли выше, соблюдало даже въ XVII в. нѣкоторое подобіе международнаго права; въ XVIII же вѣкѣ, какъ видно изъ дѣла Шульги, захваченнаго въ степи калмыками и освобожденнаго въ Перекопѣ каймаканомъ ***), оно могло иногда даже безъ требованій со стороны русскаго резидента препятствовать насиліямъ надъ козаками.

Слѣды сосѣдскихъ одолженій запорожцевъ татарамъ мы встрѣчали и въ указаніи Межигорскоѣ лѣтописи 1628 г. о кочевкѣ Шагинъ-Гирея на запорожскихъ земляхъ, также во многихъ мѣстахъ переписки Сѣрка съ Самойловичемъ,

*) Скальковскій I, 231—233.

**) Андріевскій Матерьялы XVI, 243.

***) Андріевскій Матерьялы XIV, 217.

упрекавшимъ перваго въ услугахъ оказываемыхъ татарамъ, наконецъ въ рапортѣ кошевого Павла Иванова въ Кіевскую Губернскую Канцелярію въ 1753 г., въ которомъ права запорожцевъ на Прогнойскія соляныя озера объясняются уступкой туркамъ козаками права пользоваться лѣсными угодьями въ устьѣ р. Громоклеп „ибо оная речка Громоклея вся подлежитъ быть въ Россійской границѣ“ *).

Кромѣ отношеній дипломатическихъ, торговыхъ и неизбежныхъ сосѣдскихъ Запорожье поддерживало съ Крымомъ еще одинъ видъ сношеній, вытекавшій изъ первыхъ: запорожцы были почти неизбежными посредниками во всѣхъ сношеніяхъ сѣверныхъ государствъ съ Крымомъ; какъ во время войны они были передовыми войсками, развѣдчиками, благодаря знанію мѣстности и татарской тактики, такъ въ мирное время они служили экспертами въ пограничныхъ коммиссіяхъ, лазутчиками въ Крыму, проводниками и переводчиками при посольствахъ и т. п. Такъ, при проведеніи южной границы Россіи по Бахчисарайскому трактату 1681 московскіе послы „призвали себѣ въ совѣтъ присланнаго отъ гетмана Ивана Самойловца Прилуцкаго полку писаря Семена Раковича и казаковъ съ нимъ будущихъ, Тимофея Федорова съ товарищи, которые въ Запорожьѣ по Днѣпру жилали и тѣ степные речки и урочища и города и мѣстечки... знаютъ... а для подлиннаго выразумѣнія показали имъ печатной чертежъ нѣмецкаго тисненія всего Московскаго государства и всея Малороссійскія стороны... дожь до Крыму и до самого Понтинскаго моря... и писарь Семенъ Раковичъ съ казаками своими сказали намъ: что мочно, примѣняючись къ печатному чертежу, тѣ урочища объявленныя межъ имъ памятью и знаемостью своею написать, понежъ тотъ печатной чертежъ съ ихъ памятью и знаемостью о тѣхъ урочищахъ зѣло сходенъ“ **).

Въ 1693 г. Патріархъ Адріанъ писалъ Мазепѣ о розыскѣ плѣнныхъ: „... прошедшаго 7166 лѣта... дѣти боярскіи, Прокопій да Харитонъ Минини... взяты Крымскими Татари въ плѣнъ... есть же вѣдомость, что они Прокопій да Харитонъ живи суть и требуютъ помощи... Ради-же нашего архипастырскаго прошенія изволь зѣ ищсѣмъ твоимъ послати

*) Андріевскій Матерьялы XVI, 235.

**) Статейн. Слнсокъ Зотова стр. 83—85.

кого въ Запорогѣ къ Кошовому Атаману, чтобы тамо хто отъ охочихъ людей, какому возможно, пошедше въ Крымъ за Перекопъ, тѣхъ два человѣка плѣвения, гдѣ жувуть зыскали и взяли на окупъ, аще живи суть они, и аще лишися жизни сія они совершенно возвѣстили бы“ *).

Въ ноябрѣ 1735 г. Минихъ, вызвавъ къ себѣ кошевого Милашевича и другихъ казаковъ, совѣщается съ ними о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Крыма, спрашиваетъ ихъ, въ какомъ числѣ могутъ они собраться, какимъ образомъ и въ какое время года удобнѣе всего, по ихъ мнѣнію, идти въ Крымскій походъ **).

Въ 1747 г., во время поѣздки хана Селимъ Гирея въ Константинополь, запорожскіе развѣдчики даютъ знать, что ногайцы откармливаютъ лошадей, что всегда служило признакомъ предполагающагося набѣга. Это извѣстіе повело къ дипломатическимъ запросамъ русскаго резидента Портѣ ***). Въ 1756 г. Запорожцы небольшими партіями слѣдятъ за движеніями татаръ на правомъ берегу р. Буга ****).

Но кромѣ такихъ военныхъ рекогносцировокъ запорожцевъ постоянно отправляли въ Крымъ „подъ образомъ купечества для продажи пушнаго товару“. Донесенія ихъ о событіяхъ, или даже слухахъ въ Крыму носили названіе „секретовъ Коша Запорожскаго“ и посылались гетману или Кіевскому генералъ-губернатору. Въ 1752 г. запорожецъ Иванъ Коломіецъ доноситъ: „будучи я... въ г. Козловѣ видѣлъ подниманіе съ того города и повоженіе въ г. Перекопъ пушки четыре большіе ломовіе... и четыре меншіе... да отъ Перекопу за 2 версты... пали дубовіе бито въ землю... чтобъ не можно къ городу приступу учинить... Про намѣреніе же и предпріятіе ничего въ Крымскихъ городахъ я не слыхалъ... и т. д.“ *†). Въ 1762 г. запорожскіе лазутчики доносятъ о проѣздѣ прусскаго посланника въ Крымъ и т. п. *††). Эти извѣстія, собиравшіяся казаками въ разговорахъ съ низшимъ слоемъ населенія Крыма, были иногда очень оригинальны;

*) С. Велпчко Лѣт. III, 167—168.

**) Соловьевъ XX, 92.

***) Смирновъ Крымск. Ханство II, 224

****) Скальковскій II, 257.

*†) Андріевскій Матерьялы XVI, 231.

*††) Андріевскій Матеріалы XIV, 385.

въ 1759 г. запорожцы приносятъ слухи о томъ, что 40,000 ногайскихъ и буджацкихъ татаръ отправлены на помощь Прусскому королю *).

Извѣстія о крымскихъ дѣлахъ доставлялись въ Кошъ не только козаками; въ 1755 г. два знычара Череконскаго гарнизона, пріѣхавшіе въ Сѣчь по торговымъ дѣламъ, приносятъ извѣстіе о неудачной войнѣ хана съ черкесами **).

Посылки эти не всегда оканчивались благополучно. Въ 1754 г. запорожскіе агенты въ Очаковѣ узнаютъ о гибели двухъ козаковъ, посланныхъ изъ Коша для развѣдыванія къ устью р. Чичиклен и убитыхъ тамъ ногайцами ***). Вообще, различное отношеніе козаковъ къ ногайцамъ и къ болѣе цивилизованнымъ татарамъ полуострова замѣтно до самаго конца существованія Запорожья; въ 1769 г. Панинъ, желая привлечь ногайцевъ въ русское подданство, предлагаетъ Кошу „послать въ Крымъ и Буджацкую орду... острыхъ и надежныхъ людей... какъ войско запорожское имѣетъ въ себѣ разныхъ націй и языковъ людей... съ знаніемъ татарскаго и турецкаго языковъ и всѣхъ жилищъ ихъ... и нравовъ, по сосѣдственному съ ними въ мирное время обращенію... по 2 и по 3 человѣка... подъ видомъ дезертированія или подъ другимъ предлогомъ, съ тѣмъ чтобы узнать настоящее ногайской орды умовъ расположеніе“... Кошевой отвѣчалъ на это, что „хотя въ войскѣ запорожскомъ люди знающіе разные языки имѣются, однако по причинѣ нынѣшней опасности, сколько ни старался, но охотниковъ къ поѣздкѣ въ Крымъ и въ Буджацкую орду не отыскалъ“ ****).

Если къ этимъ свѣдѣніямъ добавимъ нѣкоторыя указанія о размѣнѣ плѣнныхъ, производившемся въ XVII вѣкѣ въ Переволочнѣ *†), а въ XVIII въ пограничныхъ комиссіяхъ въ Сѣчи и др. мѣстахъ *††), то картина сношеній Запорожья съ Крымомъ окажется довольно полною.

*) Скальковскій II, 262.

**) Скальковскій II, 247.

***) Ibid.

****) Скальковскій III, 75.

*†) Величко II, 509 и др.

*††) Андріевскій Матерьялы XIV, 137.

При оцѣнкѣ извѣстныхъ намъ данныхъ о сношеніяхъ Запорожья съ Крымомъ надо помнить и о походахъ хановъ, разорившихъ во время козацкихъ войнъ XVII вѣка почти всю Малороссію, о непрестанныхъ набѣгахъ ногайцевъ и непрестанныхъ-же схваткахъ съ ними на границахъ запорожскихъ разбѣговъ, о морскихъ хищническихъ набѣгахъ самихъ запорожцевъ, вообще о всей военной исторіи Запорожья, которая гораздо болѣе касалась интересовъ сосѣднихъ странъ и поэтому гораздо чаще и ярче отражалась въ извѣстіяхъ ихъ лѣтописцевъ. Но для правильной оцѣнки фактовъ, какъ военной, такъ и мирной исторіи Запорожья, не надо забывать степени культуры тогдашней Европы, гдѣ проѣзжія дороги не были вполнѣ безопасны и въ XVIII в.; не говоря уже о современной Запорожью Польшѣ, гдѣ въ это время еще процвѣтали набѣды шляхты другъ на друга и на чужія границы. Помня все это, найдемъ въ порядкѣ вещей, что торговые караваны Запорожья только числомъ людей и отсутствіемъ пушекъ отличались отъ военныхъ его походовъ, или что у людей, жившихъ на окраинѣ культурныхъ земель, охота за чужими табунами считалась похвальнымъ молодецествомъ и жизнь, своя или чужая, цѣнилась недорого. Все это факты общіе всѣмъ подобнымъ эпохамъ и странамъ. Гораздо цѣннѣе для насъ немногія указанія, специально характеризующія козачество, въ особенности запорожское, въ его отношеніяхъ къ Крыму, показывающія постепенное развитіе въ козачествѣ сознанія пользы экономическаго и политическаго сближенія съ Крымомъ; эти факты рисуютъ Запорожье не только какъ пограничную стражу культурныхъ государствъ противъ татаръ, или какъ народную силу, поддерживающую всѣ движенія народа. Они доказываютъ, что Запорожье было самостоятельной общиной, имѣвшей свою культуру, обычаи, своеобразную жизнь и интересы, не всегда совпадавшіе съ интересами окрестнаго края;—общиной, самое существованіе которой обуславливалось существованіемъ Крыма, и понимавшей это;—общиной, черпавшей частью оттуда свою культуру, тактику, даже личный составъ и средства къ существованію. Все это поясняетъ намъ тѣ историческія извѣстія, гдѣ запорожцы являются иногда измѣнниками родины и пособниками хановъ. Факты эти уясняютъ намъ, наконецъ, самый духъ Запорожья, въ силу котораго козаки явились наследниками древнихъ обитателей Приднѣпровья. Факты инкорпорации

рускимъ населеніемъ сосѣдей, даже хищныхъ азіатскихъ племенъ, какъ Торки, Берендѣи, Черные Клобуки и др. въ удѣльный періодъ, также татары, поселенные въ числѣ 200,000 человекъ въ предѣлахъ Подоліи при Витовтѣ; фактъ распространенности среди запорожцевъ прозвищъ, указывающихъ на татарское происхожденіе и прямо татарскихъ; наконецъ, дѣло о „тумахъ“, татарскихъ плѣнныхъ или перебѣжчикахъ, остававшихся въ Сѣвѣ на жительство—все это доказываетъ, что непосредственное сосѣдство русскаго и татарскаго племенъ, несмотря на многолѣтнюю борьбу, все время продолжало дѣйствовать сближающимъ образомъ. Самая борьба не развила здѣсь фанатической ненависти къ иноверцамъ, подобной той, какая являлась во время завоевательнаго движенія германцевъ въ Пруссіи и др. странахъ, или во время борьбы испанцевъ съ маврами. Козаки, первые бойцы противъ татаръ, въ концѣ своего политическаго поприща являются связывающимъ звеномъ между ними и покорителемъ—государствомъ; въ 1770 г. они перевозятъ черезъ Днѣпръ козацкіе, покорившихся Россіи, и доставляютъ имъ запасы. Наконецъ, самый послѣдній фактъ исторіи запорожцевъ, уходъ ихъ въ Турцію въ 1775 г., когда память о подчиненіи мусульманамъ не могла не быть свѣжею, доказываетъ, что ненависть къ магометанскому міру не составляла преобладающей черты козачества и легко заглушалась болѣе сильными интересами.

